

ТАНЯ СВОН

По следу
вьюги,
за зовом
сердца

СЕРДЦЕЦВЕТЫ
ДЛЯ ОХОТНИЦЫ

Магические миры Тани Свон

Таня Свон

Сердцецветы для охотницы

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Свон Т.

Сердцецветы для охотницы / Т. Свон — «ЭКСМО»,
2024 — (Магические миры Тани Свон)

ISBN 978-5-04-195012-5

По древнему обычаю, Руслану против воли выдают замуж, однако во время обряда начинается вьюга, в которой жених девушки, Войко, исчезает. В насланном урагане несправедливо обвиняют Руслану, городскую охотницу, считая ее лесной девкой – ученицей Борового. Руслана не готова мириться с несправедливым обвинением в колдовстве, тем более девушка знает – у Войко есть возлюбленная! К ней-то он и сбежал! Чтобы защитить свое имя, Руслана отправляется на поиски беглеца, но все оказывается не так просто...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-195012-5

© Свон Т., 2024
© ЭКСМО, 2024

Содержание

Плей-лист	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Таня Свон

Сердцеветы для охотницы

© Свон Т., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Посвящается моему самому главному читателю – моей бабушке.

Плей-лист

Дорога сна – Мельница
Flower Maiden (Guda Folk Choir) – Dzivia
White Stag – Rúnfell
Ezio's Family – Elliott Tordo Erhu
Octaviafeat. Brione Jackson – Marcus Warner
Ready For The Storm – Deanta
Не успеваю – Мельница
Господин горных дорог – Мельница

Глава 1

Сердцеветы для охотницы

Истинные охотники никогда не носят железо и чужие меха. Их зубы острее любого клинка, а лапы быстрее стрел. В охоте рождены и в охоте умрут.

Закаленные. Сильные. Не люди.

Руслана вскинула лук в тот же миг, когда проворная тень скользнула по земле, укрытой хвоей. Наконечником стрелы скоро нацелилась на зверя, что беззвучно опустился на сильные лапы. То волк прыгнул с небольшого холма, в тени которого отдыхала Руслана. Хищник оцетинился, но на лучницу не бросился. Лишь потому охотница не спустила тетиву – ждала, что волк рванет к ней. Боялась промахнуться. Но зверь клацнул зубами, а сам кинулся прочь от холма. Туда, где в хороводе елей другой охотник забирал добычу из силков.

– Отец! – вскрикнула Руслана.

Тотчас тетива выскользнула из-под загрубевших кончиков пальцев. Взрезав лесной воздух, запела свою смертоносную песню стрела. Волк коротко взвизгнул, заскулил и упал наземь в десяти локтях от неудавшейся добычи.

Страхнув оцепенение, мужик отер вспотевшие ладони о зипун, спрятал короткий нож за пояс.

«Не длиннее волчьего уха, – тревожно подумала Руслана. – Зверь бы враспloch застал. Отец сгинуть мог!»

Моймир подошел к волку, присел рядом без страха. Зверь уже не дышал.

– Боровой уберег, – холодно проговорила Руслана, хотя ее слегка потряхивало. Осознание минувшей беды, чье дыхание было столь обжигающе близко, ускорило биение сердца.

Моймир с улыбкой наклонил голову и подозвал дочь:

– Смотри. Стрела прямо сердце пронзила. Разве то Боровой ее пустил?

Руслана несмело качнула головой. Она прекрасно знала, что это ее жесткая рука держала лук. Ее ловкие пальцы направили стрелу. И в том, как умело девушка это делала, была большая роль Моймира. Но и умалять заслуги Борового, хозяина леса, Руслана не хотела и боялась.

Она молчаливо улыбнулась отцу, принимая искреннюю похвалу. Провела рукой по шее уже мертвого зверя. Серая шерсть была грубой, жесткой и даже колючей, но красиво серебрилась под пальцами.

– Хороший воротник получится, – Руслана представила матушку в новой шубе, но Моймир возразил:

– Я сделаю из этого меха шапку для тебя, Руслана. Заслужила, дочка.

На душе потеплело, но страх не отступал. Коли один волк вышел к людям, то рядом наверняка бродит стая. Пока еще Боровой не пускает зверюг к людям, но вдруг его гостеприимство иссякнет? Достаточно ли было сегодняшнее подношение Хозяину, чтобы тот отпустил охотников подобру-поздорову? Хватило ли крынки молока, чтобы купить у леса всю сегодняшнюю добычу?

– Уходить пора. – Руслана вытащила стрелу из груди волка, проверила, цело ли древко, стряхнула темную кровь. Рубиновые капли окропили ковер из жухлой листвы, а стрела вернулась в колчан к своим сестрам.

– Пора-пора. – Моймир направился к силкам, от которых его отвлекло появление волка. Вытащил из умелой ловушки добычу и спрятал в почти полную суму. – Не будем Хозяина гневить и новых знаков дожидаться.

– Думаешь, так Боровой намекнул, чтобы мы уходили? – Руслана, управившись с другой сумой, подошла к отцу, опустилась рядом с ним. Оба принялись связывать передние и задние лапы волка, чтобы было удобнее тащить.

– Да кто ж его знает, – Моймир рассмеялся в густую темную бороду. – Но волки, бесы, осмелели. Чуют приближение Мороза, хозяина своего, вот и лезут к людям.

Все время коротких сборов Руслана провела в размышлениях. И точно, отец прав. Хоть жаркое лето и затянулось в этом году, но теперь уж зима стоит на пороге. Волки чуют это как никто другой. За последнюю седмицу вести о нападениях на скот у границ леса все чаще сотрясали город Хрусталь. Чаще лаяли собаки, а женщины озабоченно вешали на калитки обереги от диких зверей.

Руслана не любила зиму, но и не боялась ее. В доме охотника всегда было мясо и теплые шкуры, хватало на любые покупки, а благодаря корове Рожке крынки наполнились молоком. Но первый день зимы уже как два года был для Русланы самым беспокойным в году.

Она не желала того, что мог принести ей первый снег, а потому встречала его настороженно. Вот и в этом году ожидание из равнодушного постепенно становилось тревожным. Руслана принюхивалась к воздуху, пытаясь угадать в нем запах приближающихся морозов.

Всего лишь день. Пережить первый снег и вздохнуть свободно.

Скоро Руслана и Моймир закончили сборы и по знакомому пути двинулись из чащи, в сторону Хрусталя. Они часто оглядывались, шли молча. Руслана удобно перекинула через плечо лук, чтобы в случае новой встречи с волками быстро дать отпор. Моймиру, который тащил большую часть ноши, лук пришлось убрать за спину, но наготове он держал кинжал.

Так и шли в тишине и опасениях, пока не оказались за пределами владений Борового. На границе людских земель их встретили старый дуб, раскидистый и впечатляющий своей мощью даже ныне, раздетый грядущими холодами, и мельница у запруды. Уже стали слышны голоса живущих на окраине Хрусталя горожан и лай собак. Те, наверное, учуяли волка, которого волок по земле Моймир.

Чем глубже заходили в город, тем краше становился Хрусталь. Избы из сосновой древесины были богаче, выше, наряжались в узорчатую резьбу. Пыльная полоса дороги обросла камнем, стала шире, разветвилась. Все больше на улицах встречалось людей, чьи цветные наряды мелькали перед глазами, как яркие бусины, высыпавшиеся из ларца.

Теперь, когда не нужно следить за каждой тенью и слушать шорохи леса, когда можно не бояться из охотника превратиться в добычу, Руслана позволила себе расслабиться. Она посмотрела на убитого волка, вспоминая об обещании отца, и улыбнулась.

– Да, хороша шапка будет, – угадал мысли дочери Моймир.

– Только вот матушка опять причитать будет, – Руслана смешно сморщила нос. – Скажет, что пора бы мне уже кокошник носить.

Она ждала, что Моймир посмеется. Скажет, что охотничий кафтан да лента в волосах для Русланы куда краше. Только вот отец молчал, и на душе оттого стало тоскливо.

– Я жду и боюсь того утра, когда зима подарит тебе сердцецветы, – признался Моймир.

Руслана тяжело вздохнула. В груди точно клубочком свернулся еж.

– Не всем девушкам зима преподносит такой дар, – слова должны были прозвучать огорченно, но у Русланы не получилось скрыть истинные чувства. Она надеялась, что из первого снега на ее окне не прорастут сердцецветы. Или что это случится хотя бы не в нынешнем году. Руслана еще не готова оказаться чьей-то суженой.

– Я никого не люблю, – твердо произнесла Руслана, находя в этой правде успокоение. – С чего бы распускаться сердцецветам?

Моймир тяжело вздохнул, покачал головой.

– Порой нужно помочь сердцу, чтобы оно прозрело. Мы все дети Матери – сырой земли. От земли взяты, землей кормимся, в землю пойдем. Мы – проросшие семена, но не цельные, а лишь половинки. . .

Уж сколько раз Руслана слышала легенду, которую завел Моймир! Мол, порой земля-матушка молодым подсказку дает, помогая найти предначертанную пару – человека, с которым души из сияния одной звезды вылиты, судьбы – одной нитью свиты. Такая любовь никогда не угасает, а лишь крепнет, и все блага сами на ее яркое пламя в семью торопятся.

Но найти такое богатство и получить подсказку, сидя в избе, нельзя. Земля-матушка помогает лишь тем, кто сам готов за счастье бороться. Потому наутро, когда первый снег укроет землю, отправляются юноши на поиски. Ходят от избы к избе, разыскивая суженую. На каком окне от одного взгляда прорастет прямо из снега побег и распустятся на нем алые, как рябина, бутоны, там-то и ждет возлюбленная.

Так два года назад старшую сестру Русланы, Лету, нашел Владимир. Свадьбу по обычаю сыграли в ту же седмицу. А минувшим летом у них родилась дочь – Елька.

– Верю, что судьба одарит тебя тем же счастьем, Руслана, которое обрела Лета, – не глядя на младшую дочь, сказал Моймир.

Отчего-то он избегал сейчас встретиться с Русланой глазами. Смотрел на дорогу или приветливо кивал соседям, что выглядывали из-за калиток, но на Руслану не оборачивался.

– Веришь, но боишься, – припомнила она сказанное в лесу. – Почему?

– Не могу представить, что однажды пойду на охоту без тебя.

Руслана притихла. Понурила голову, ссутулилась, точно на спину ей закинули тяжеленный мешок муки. При всем желании обещать отцу, что она всегда будет ходить с ним в лес, Руслана не могла. Это сейчас, незамужняя, она жила в родительском доме и подчинялась правилам, какие устанавливал Моймир. Едва с губ сорвутся свадебные клятвы, принадлежать Руслана станет другой семье и жить должна будет по новым законам.

Руслана всегда представляла, что ее жених будет добрым и искренним. Мечтала, что будущий муж никогда не запретит ей ходить в лес, носить лук и охотиться.

И пока что у дочки охотника еще была свобода – если сваты придут, Руслане наверняка позволят сделать свой выбор. Но если на окне поутру распустятся сердцецветы, выбирать уж более не получится. Существуют обычаи, против которых привыкший и суеверный народ не пойдет. Да и найдется ли юноша, что решится свататься к девушке, которая другому самой судьбой предначертана?

– Руслана! – окликнул знакомый, звонкий, как капель, голос.

Она оторвала взгляд от каменистой тропы, напоминающей чешуйчатую спину ящера, вскинула голову и заметила знакомую компанию ребят. По дороге, что вводила к главной площади Хрусталия и к купеческим теремам, навстречу Руслане торопились ее друзья. Соседская дочка, Богдана, бежала впереди всей компании. Каким-то образом Богдане в теплом и тяжелом из-за украшений кафтане, да еще и в сапожках на каблукке удавалось быть быстрее остальных. Даже парни, широкоплечие и высокие, остались позади стройной и тонкой девушки.

И вот уже шумная компания окружила Руслану, Моймира и волка. Мертвого хищника юноши рассматривали с интересом, а нарядные девушки – с тревогой.

– Мы на площади были, – поделилась Богдана, перекинув через плечо тугую светлую косу.

– Там сегодня ярмарка, – закивала другая девушка, и ее височные кольца звонко запели.

– Пойдем с нами, Руслана! – протянул ей широкую, грубую ладонь рыжеволосый Яромир, и Руслана вдруг смутилась.

Она уже давно заметила, что нравится Яромиру. Матушка с самого лета приговаривала, что скоро юноша свататься придет. Но еще чаще она предсказывала – этой зимой на окне Русланы наконец заалеют сердцецветы. И распуститься их заставит не кто иной, как Яромир.

Этот союз осчастливил бы родительницу, но сама Руслана опасалась, что пророчество матери сбудется. Яромир хороший парень. Работящий, щедрый, отзывчивый, симпатичный. Но по тому, как он обращается с младшими сестрами, ясно, что еще Яромир очень строг. Будучи хозяином, он не потерпит, если женщина вздумает перечить. Руслану, если та станет его женой, в лес он ни за что не отпустит.

– Иди, Руслана, – Моймир мягко забрал суму с добычей, снял с плеча дочки лук. – Я сам домой все отнесу. Погуляй с друзьями.

Руслана тут же вернула суму и на удивленный взгляд отца ответила:

– На площади ярмарка ведь. Вот и поторгую кроликами! Чего время зря терять?

Моймир погладил дочь по длинным волосам, заплетенным в косу, коснулся губами темной макушки и ушел по тропе, что виляла между избами и вела к дому.

– Ну как? Идем? – снова спросил Яромир и вновь протянул Руслане руку.

Девчонки зашептались, захихикали. Руслана, недолго думая, втолкнула в раскрытую ладонь юноши суму с добычей, а сама налегке прошла мимо.

– Идем, конечно! – весело сказала она, перекрикивая хохот друзей.

Руслана не хотела давать Яромиру ложных надежд, а потому даже идти с ним рядом избегала. Она юрко обошла широкоплечих парней, чтобы встать впереди компании и вести всех к площади. Но, обогнув ребят, только теперь Руслана заметила еще одного юношу.

Войко, сын местного торговца, тоже был здесь. Бледный, как лед. Сухой, как выжженная земля. Даже черные волосы его сейчас больше походили на хрупкий безжизненный пепел, а не на жесткий яркий уголь. В темных глазах Руслана не разглядела ни искры эмоций.

Еще никогда она не видела Войко таким... пустым.

– Что-то случилось? – вопрос шепотом сорвался с губ. Так, чтобы услышал только Войко.

Но он отвернулся, будто спрашивали вовсе не его, и первым зашагал к площади. Руслана хотела догнать Войко, поравняться с ним, но за руку ее поймала Богдана. Подруга статно расправила плечи и плавно, как лебедь, зашагала рядом, вынуждая и Руслану идти медленнее.

– Расскажи, как вы с Моймиром волка подстрелили? – с сияющим взглядом попросила Богдана. – Много их там было?

Руслана посмотрела на друзей. В глазах каждого, кроме ушедшего вперед Войко, горел неподдельный интерес. Догнать сына купца, не привлекая лишнего внимания, уже не выйдет.

– Что же, – вздохнула она, – мы с Моймиром остановились на привал под холмом...

* * *

На площади было шумно и, несмотря на опускающийся вечер, людно. Руслана быстро распродала всю добычу и часть заработанных монет отдала друзьям, которые своими задорными зазываниями привлекали покупателей. Больше всего постаралась Богдана и ее подруги. Девушки ловили прохожих в хоровод, смеясь, подвели к охотнице. Яромир с юношами были не так смелы, но и они привлекли немало народу, выкрикивая:

– Лесные кролики! Свежее мясо!

Один только Войко держался в стороне. Мрачнее тени он бродил в округе, но и домой не спешил. Руслана изредка следила за сыном купца, но угадать его мысли, окутанные тяжелыми думами, не могла.

Когда мясо оказалось распродано, солнце еще не село, и Руслана с друзьями отправилась гулять по ярмарке. Девушки долго выбирали у одной из торговых новые височные кольца, Богдана потратила монеты на цветные ленты. Юноши ничего не смыслили в девичьих украшениях, но покорно ходили следом до самого заката.

Когда в уличных пламенниках запылал огонь, настала пора возвращаться по домам. Богдана жила в соседней с Русланой избе, а потому идти девушки собирались вдвоем.

– Руслана, я тебя провожу, – вмешался в их планы Яромир. – Темнеет. Одной опасно. Он который раз за день протянул охотнице раскрытую ладонь. На этот раз у Русланы не было сумы, которую она могла вручить парню вместо своей руки.

– Не нужно. Мы с Богданой вместе будем.

В подтверждение своих слов Руслана взяла подругу под руку. Богдана поняла все без слов и подыграла:

– Или ты, Яромир, хочешь меня без компании оставить? Или того хуже – третьей лишней сидеть?

Лицо Яромира сделалось таким же красным, как его рыжие волосы в лучах закатного солнца. Он стушевался, а смех друзей его окончательно смутил.

– Тебя, Богдана, кто-нибудь другой проводит, – раздраженно предложил он и пихнул стоящего рядом Чеслава в плечо: – Верно говорю?

Чеслав отодвинулся от Яромира, и Руслана поняла – юноша хоть и недоволен командами Яромира, но Богдану, ежели потребуется, одну не бросит. Чеслав хороший друг, но его сердце занято. И вовсе не Богданой.

– Мы сами дойдем, не нужно, – на этот раз более жестко настояла Руслана и вместе с подругой сделала шаг от Яромира и его протянутой руки.

– Темнеет, – упрямо напомнил Яромир и взглядом обвел пустующую площадь. В ее центре развели костер, торговцы начали прятать товар и расходиться. – Разве могу я беззащитных девушек одних в вечер отпустить?

Богдана покачала головой. Другие парни и девушки, стоявшие за спиной Яромира и наблюдавшие за разговором, заулыбались. Все в Хрустале знали, что беззащитной Руслана никогда не была.

Из кармашка, спрятанного под меховым воротником, она вытащила короткий нож. Руслана просто хотела показать, что не безоружна. Угрожать она никому не собиралась. Но в голосе уже притаилось раздражение, а потому безобидной охотница отнюдь не казалась, когда произнесла:

– Мне хватило одной стрелы и пары мгновений, чтобы убить волка. Неужели считаешь, что человеку дать отпор сложнее, чем хищнику?

Яромир поджал губы, стиснул протянутую ладонь в кулак. Руслана не собиралась оскорблять юношу или позорить его перед друзьями. Он сам виноват в своей настойчивости.

– В городе полно дозорных, – слегка смягчилась охотница. – Если что-то случится, мы тут же на помощь позовем. Все хорошо будет.

К облегчению Русланы, Яромир возражать больше не стал. На площади все распрощались и пошли каждый в свою сторону.

– Ловко ты Яромиру от ворот поворот дала! – рассмеялась Богдана, когда они покинули площадь и оказались на дороге, бегущей по дворам меж теремов. – Только не пожалеешь ли о своем решении?

– С чего бы это? – повела темной бровью Руслана.

– Яромир – завидный жених. Я бы, может, сама ему глазки построила, но он ни на кого, кроме тебя, и смотреть не желает.

Слова должны были польстить Руслане, разбудить в ней ревность и спящие чувства, но она лишь пожала плечами:

– Не мил он мне. Напористый, упрямый, порой слишком грубый.

– Не грубый, а строгий! – вступилась за Яромира Богдана. – Это ведь хорошо, когда мужчина как богатырь. За ним, как за каменной стеной будешь.

– Лишь бы стена не стала каменной клеткой, – шепнула Руслана под нос, но подруга ее не услышала.

– Ты ни попытки себя очаровать не даешь Яромиру!

– А ну цыц! Ты вообще на чьей стороне? – Руслана шутливо толкнула Богдану плечом.

– Вот увидишь, когда на твоём окне Яромир найдёт сердцецветы, совсем иначе на него смотреть станешь! В этом году он впервые снег встречать собрался.

Больше Руслана спорить с подругой и судьбой не хотела. Если слова Богданы обратятся в быль, то Руслане придётся пойти с Яромиром под венец. Никто её «не хочу» и слушать не станет.

От этих мыслей стало зябко, точно Руслана шла по осеннему Хрусталию не в подбитом мехом кафтане, а в лёгком сарафане. Она стянула с шеи платок, надела его на голову и притихла, до самого дома больше не проронив лишнего слова. Руслана вполуха слушала, как Богдана мечтательно делилась – этой зимой она надеется увидеть алые цветы на своём окне. Правда, от кого они будут, подруга ещё не определилась, но это её не слишком заботило. Коли уж кто-то сужден ей, то и беспокоиться не о чем.

– Судьба поможет сердцу прозреть, – Богдана ласково улыбнулась подруге, когда они оказались на распутье. Одна тропинка вела к дому Русланы, другая – к калитке, за которой родные ждали Богдану. – Я этого нам обеим желаю.

* * *

Когда Руслана вошла в дом, стол уже был накрыт. В центре его стояло блюдо с уткой, запечённой в клюкве и травах. Моймир сидел во главе стола, а мать Русланы, Бояна, хлопотала, разливая чай из облепихи.

– Что-то празднуем? – стягивая тёплый кафтан, поинтересовалась Руслана. Она с наслаждением вдохнула ароматный запах. Пахло вкусной едой и домом.

– Добрую охоту накануне зимы. – Бояна как раз закончила с чаем и опустилась за стол, по правую руку от мужа. – Слышала, что мельник сегодня утром вихрей на границе леса видел.

– Вихрей? – Руслана оставила кафтан в сенях и прошла к столу. – Ещё зима не пришла, а духи бури уже поджидают...

– Где вихри, там и снег, – верно подметил Моймир и первым принялся за ужин. Женщины последовали его примеру, но аппетит у Русланы резко пропал.

Неужели уже завтра?..

– Зима суровая будет, раз вихри так рано явились, – матушка Русланы взволнованно покачала головой. Полной рукою стянула с русых волос простой домашний платок. – Но я верю, что не одних морозов нам нынче ждать стоит.

Руслане показалось, что она откусила слишком большой кусок утки. Мясо застряло в горле и, несмотря на ароматные приправы и кислотоватую клюкву, ощущалось совсем безвкусным.

Завтра. Все точно случится уже завтра...

Эта мысль проскочила с такой ясностью, что перед внутренним взором Русланы чётко предстали алые цветы на мягкой снежной подушке. Она моргнула, и видение растворилось. Вместо снега перед ней была белоснежная скатерть, а вместо сказочных бутонов – рубины ягод на блюде.

– Надеюсь, это будет Яромир, – матушка едва не светилась от счастливого предвкушения. – Такой хороший парень! Рукастый, сильный, работающий!

Руслана с трудом проглотила мясо, кашлянула невольно. Родительские глаза тут же обратились к ней.

– Может, и не будет никаких цветов, – с делано скучающим видом Руслана пожала плечами. Матушка на то лишь отмахнулась:

– Сердце мое чувствует, Руслана, – скоро под венец пойдешь.

Руслана взглянула на отца, но не смогла найти в нем успокоительной поддержки. Моймир ничего не говорил, и даже глаза его хранили молчание – такие же синие, как у Русланы, сейчас они были точно окутанное тайнами вечернее небо. Похоже, отец сам не знал, чего желает больше – передать дочь в новую семью или еще на какое-то время оставить в родном доме.

– Я вижу, что ты боишься, – мягким, словно сено на полати, голосом заговорила Бояна, – но это пустое. Сватанье, венчание – это всегда волнующе. Но, Руслана, дочка, ты уже взрослая...

– Знаю.

– Так положено.

– Понимаю...

– Не хочу, чтобы ты старой девой осталась.

Руслана ясно представила, как о ней начнут шептаться, если она еще пару лет протянет с замужеством. Хрусталь – небольшой город. Слухи ползут быстро и надолго цепляются к человеку, точно репей. Руслана не хотела быть темой для дурных пересудов, потому что знала, как они способны менять жизни.

– Я и не собираюсь старой девой оставаться, – нахмурилась Руслана. – Просто... Первый снег может не подарить мне сердцецветов.

Матушку должны были бы огорчить такие слова, но та не смогла сдержать улыбку. От нее Руслане стало еще больше не по себе. Ощущение, что от нее скрывают какую-то тайну, зудело, обжигая кожу крапивой.

– Матушка?..

Моймир отложил ложку, скрестил руки на груди. Тревога усилилась, и Руслана взволнованно уставилась на мать.

– Я слышала, – начала та довольно, – Яромир свататься будет.

– Но сердцецветы...

Бояна махнула рукой, обрывая дочь на полуслове.

– Что с цветами, что без них – он придет за тобой, Руслана. Знала бы ты, как я была счастлива, когда этот слух до меня донесся!

Дальше все будто подернулось туманом. Восторженные рассказы матери, ее мечты о пышной свадьбе, о внуках... Руслану замутило. Она хотела бы семью, но не с Яромиром. Он не тот, кто ей нужен. Не тот!

– А ежели я буду против?

Матушка поражено притихла. Казалось, она не верила своим ушам.

– Как ты можешь быть против? – изумилась Бояна, и ее полное лицо мигом вытянулось от удивления. – Или же тебе кто иной по нраву?

Родители ждали ответа, внимательно следили за Русланой. И она хотела бы кивнуть, назвать имя... Но не было никого. Никого, кто ей нравился. Никого, кто мог бы ее спасти.

– Нет, – признавая поражение, Руслана опустила голову. – Но я могла бы найти кого-то. Я могла бы...

– Твои ровесницы уже детей нянчат, а ты все тянешь, все по лесам бегаешь! Уже все в Хрустале об этом говорят! Знаешь, что тебя лесной девкой считают?

Моймир растерянно почесал бороду, не решаясь посмотреть на дочь. Руслане вдруг показалось, что она испытала его боль как свою. Отец всегда желал ей добра, шел на уступки, учил стрелять из лука, охотиться, находить дорогу в лесу и задабривать духов.

А теперь все это играло против них.

Руслана знала, что некоторые считают ее странной. Но чтобы лесной девкой... Это ведь неправда! Боровой ее не похищали, колдовать не учил. Да она даже не видела хозяина леса никогда!

– Да и, подумай, – прерывая полные возмущения думы, сказала матушка, – разве сможешь найти кого-то достойнее, чем Яромир?

– В городе полно юношей, – мрачно буркнула Руслана.

– Но не все они достойны тебя. А я не позволю, чтобы ты...

Бояна прикусила язык, потупила взгляд в тарелку, где остывало мясо. Руслане не стоило продолжать разговор. Нужно было покорно кивнуть, уйти. Но охотница спросила:

– Чтобы я *что*? Чего ты не позволишь, матушка?

– Бояна, – Моймир предупреждающе покачал головой. Взгляд его стал тяжелым, темные брови низко нависли над синими глазами.

Руслана поджала губы, уже и не надеясь услышать ответ. Но мать вдруг выпалила:

– Не позволю, чтобы ты с кем попало судьбу связала. Многие юноши лишь кажутся приятными, добрыми и смелыми. Но я слышу все сплетни, знаю, о чем говорят люди!

– Хватит, – Моймир грозно ударил по столу. Бояна охнула и резко замолчала. Руслана вздрогнула, но вопреки этому ощутила странное облегчение...

Которое вмиг растаяло, как снежинка на ладони, когда Моймир договорил:

– Руслана, мать права. Мы поговорили сегодня и решили, что пора тебе замуж выходить. И ежели первый снег не расцветет под твоим окном сердцецветами, то быть тебе женой Яромира. – Чуть смягчившись, он добавил: – Мы дадим на этот брак благословение, а остальное приложится.

Точно во сне Руслана помогла матушке убрать со стола. Как одурманенная, прошла в свои покои, где облачилась в сорочку, а прочую одежду столкала в сундук.

Быть ей женой Яромира...

Руслана лежала на широкой лавке и через окно смотрела на уже черное ночное небо. Когда во мраке заплясали первые снежинки, перехватило дыхание.

Неужели все уже решено?

Руслана обняла подушку, вжалась в нее лицом. А что, если сердцецветы все же распустятся? И что, если их охотнице подарит не Яромир, а кто-то другой?

Надеялась ли она на это? Хотела ли?.. И кто мог спасти ее от Яромира? И не было ли это еще более печальной участью?

Руслана не смогла уснуть. Так и металась в постели, пока предраассветные улицы не пробудились от залихватского пения:

– *Солнца луч коснулся снега – распустились сердцецветы!*

Глава 2

Украденное сердце

Руслана резко села на широкой лавке, служившей ей постелью. Перед глазами поплыли красные пятна.

– Зима засватала! – кричали на улице.

– Держи жениха!

Смеялись звонко, заливисто, слишком громко для предрассветного утра. Руслана вскочила, босиком подбежала к окну, уже точно зная, что увидит. Снег нежным покрывалом лег на землю, баюкая ее, усыпляя. Такая же холодная перина укрыла и подоконник. Из нее тянулись зеленые стебли, удивительно тонкие для столь пышных и тяжелых на вид соцветий.

Руслана зажмурилась крепко-крепко, пытаясь прогнать дурноту бессонной ночи. Но когда она вновь открыла глаза, видение не исчезло. Цветы смотрели на охотницу сквозь стекло, понизу которого ползли сияющие серебром морозные узоры.

Где-то в избе зашумели родители, торопясь во двор. Им не терпелось увидеть жениха дочки. А Руслане, чтобы встретиться с судьбой, достаточно было поднять взор на окно.

Соседи уже окружили юношу, радуясь так, будто это за их дочерьми суженые пришли. Они собрались вокруг парня плотным кольцом, и потому Руслане не сразу удалось разглядеть... Войко.

На какое-то время она точно разучилась чувствовать. Забыла, как радоваться и грустить, как пугаться судьбы и с отчаянием бросаться в ее объятия. А потом Руслана засмеялась.

Войко?! Почему он? Как?

Наскоро поверх исподнего платья она натянула кафтан, надела сапожки и выскочила на улицу.

– А вот и невеста! – мать Богданы с широкой улыбкой подтолкнула Войко навстречу Руслане. Он шагнул неловко, неохотно, посмотрел в глаза своей нареченной, и что-то в этом усталом, печальном взгляде отозвалось внутри Русланы.

Она чувствовала то же, что и Войко.

– Это ошибка, – сказали они почти одновременно, отчего народ довольно заулюлюкал, а матушка Русланы запричитала:

– Как это ошибка? Вы вон уже как спелись, голубчики!

Испуганный взгляд заметался, и в толпе Руслана вдруг увидела Богдану. Подруга держалась в стороне – невеселая, бледная. Похоже, свои сердцецветы она не получила. Богдана что-то произнесла одними губами, глазами стрельнула на Войко. Спрашивает, как так произошло, догадалась Руслана. Она метнулась к подруге, но ей и пяти локтей пройти не дали.

– А ну-ка!

Чужие руки потянули Руслану прочь от Богданы, в сторону бани позади дома. Она заби-лась, как пташка в силках, пытаясь вырваться, но то вызвало лишь смех.

– Отец! – закричала Руслана, найдя взглядом Моймира. – Скажи им! Я хочу уйти, отец!

Моймир поджал губы, виновато развел руками. «Таков обычай», казалось, говорил он безмолвно.

– У вас сегодня Крашняня! Куда бежать собрались? – Войко и Руслану в несколько пар рук уже подтащили к низкой бревенчатой бане. Войко больше не пытался сопротивляться. Сухой и безжизненный, как опавшая листва, он следовал чужой воле, как снежинка подчиняется ветру.

Руслана же, стряхнув с себя морок бессонной ночи, еще пуще принялась вырываться. Кафтан распахнулся, ленту из нерасплетенных на ночь волос вырвал ветер. Темные волосы разметались, стекая по тонким плечам темным буйным водопадом.

– Не смейте! – зарычала она сквозь зубы, точно дикий зверь. – Не смейте запирать нас!

С горечью она увидела боль в глазах отца, а на лице матушки – раздражение. У своей калитки с ноги на ногу переминалась растерянная Богдана.

– Что случилось? – вдруг раскатисто пронеслось по двору, и на какой-то миг Руслана оцепенела. Голос Яромира, ее неудавшегося жениха, ужалил, как оса.

И в это мгновение ее втокнули в распахнутую дверь. Руслана едва не рухнула на деревянный пол предбанника, но осталась стоять лишь благодаря Войко. Юноша поймал ее за плечи, помог удержаться, а затем оба кинулись к стремительно сужающемуся дверному проему.

– Руки! – отрезвляюще рявкнул Войко, и Руслана в последний миг отдернула от щели пальцы.

Громыхнула запертая дверь, а вместе с ней сотряслась и крошечная баня. Снаружи слышался хохот и поздравления, предназначенные Моймиру и Бояне. Но все это звучало как эхо – словно далекие голоса лесных духов, что стремились подражать людям.

Все казалось слишком нереальным.

– Спасибо, – буркнула Руслана, тяжело дыша. Она неотрывно смотрела на свои пальцы и все терла, терла их.

– За что? – так же тихо и вяло обронил Войко. Он дернул дверь, но та не поддавалась. Возмущенно зашелестели развешанные над входом веники.

Войко что-то буркнул раздраженно и обессиленно опустил на деревянную лавку.

– За то, что пальцы мои спас. – Руслана представила, как больно бы прищемило руку, не отдерни она ее вовремя. С такой травмой из лука не постреляешь.

Войко лишь отмахнулся:

– Ерунда.

Голос его звучал сухо, взгляд, как и вчера, оставался пустым и отстраненным. Войко сидел перед Русланой, но мыслями витал где-то далеко. Оттого казалось, что в предбаннике вовсе не сын торговца, а его призрак.

Руслана прогнала дурную мысль и опустилась на другой конец лавки, держась подальше от Войко. Хотя от них сегодня ждали как раз обратного.

Нареченные в день Крашняны должны сблизиться, узнать друг друга и, как считается в народе, влюбиться. Чтобы ничто не мешало молодым, их закрывают в одном помещении, давая волю делать все, что угодно будущим супругам. Кто-то в Крашняну только знакомится, а кто-то...

– Слушай, надо выбираться отсюда, а то потом пути обратно не будет. – Руслана строго ударила кулаком по коленке, даже не осознавая, что в точности повторила привычное для Моймира движение.

– Хороший план, – грустно улыбнулся Войко. В его карих глазах сквозил холод, каким тянет от земли в последние осенние дни. – Только вот пути назад *уже* нет, Руслана. На твоём окне нашли сердцецветы, а во дворе – меня. Нас поженят, но не переживай...

Тусклый, обреченный голос принадлежал будто не молодому юноше, а преступнику, которого ведут к виселице. Руслана и Войко никогда не были близкими друзьями, но и его очевидное отвращение душу несколько не грело.

Она тоже не прыгала от счастья оттого, что должна выйти за Войко, но хотя бы не воротила нос так открыто.

– Чего ты вообще под моим окном забыл? Сидишь теперь ни живой ни мертвый!

Войко упрямо молчал. Сжал губы так, что они побелели. Ссутулился весь, сгорбил, точно сухая коряга. Темные волосы упали на бледный лоб, закрыли глаза.

Руслана шумно вздохнула, набрав полные легкие прохладного воздуха. Пахло древесиной, мылом и спящим жаром нетопленной бани. И что теперь делать? Как выбираться? Окон в мыльне нет, а в предбаннике – одно, совсем крошечное под потолком. В него разве что рука пролезет.

Мысли были тягучими, как смола. Руслана с детства ходила в баню, а потому знала ее как свои пять пальцев. И сейчас это не утешало, а наоборот – внушало отчаяние. Ведь выход отсюда только один.

– Слушай, – спустя долгие раздумья, Руслана заговорила первой, – у меня есть идея, как выбраться.

Войко впервые за время их молчания пошевелился.глянул на нее с сомнением.

– Нас без еды не оставят. Так ведь? Нам же здесь весь день и вечер сидеть.

Войко медленно кивнул, и в его темных, как сажа, глазах зажегся интерес.

– Предлагаешь притвориться голодными, попросить принести еды и... напасть?

– Мы не будем ни о чем просить, – отрезала Руслана. – Это лишь вызовет подозрения. Сейчас лучше сидеть и ждать, а когда дверь откроется – действовать сообща.

Войко хмыкнул, задумчиво потер идеально выбритый подбородок.

– Даже если вырвемся, что дальше? – спросил недоверчиво.

– Дальше?..

– Конечно. Представь, мы сбежим из бани, окажемся снова на воле. Но о нашей помолвке, – он скривился на этом слове, и Руслана не могла его осуждать, – знает уже пол-Хрусталя. Что будешь делать?

Руслана не заглядывала в своих чаяниях настолько далеко. Пока что самым сложным для нее был побег. Потому все, что ждало за ним в случае удачи, было неясным, как воспоминание о растаявшем снове- дении.

Под пристальным взглядом Войко она впервые задумалась о дальнейшем плане. И думы эти не принесли ничего, кроме разочарования.

– Ну? – Войко поднялся с лавки. Как бы невзначай постарался выглянуть в тонкое окошко под потолком. – Что надумала?

– Я бы могла пойти к отцу. Он бы меня понял, – нехотя выдавила Руслана и тут же устыдилась этих слов. В мыслях они звучали не так нелепо. Не так наивно.

– Если хотим избежать свадьбы, то у нас только один путь – побег.

На лицо Войко упал луч, пробившийся в узкое окошко. В его свете темные глаза сверкнули, как драгоценные камни. Точь-в-точь такие же, как камни в украшениях, которыми торгует отец Войко, путешествуя по соседним деревням и городам.

Сейчас Войко не казался безжизненным увядшим цветком, тонким и слабым. Он расправил плечи, вмиг стал жестким и уверенным, как стрела, летящая точно в цель.

Но Руслана свой пыл растеряла.

– Я не хочу убегать из Хрусталя, – честно призналась она. – Здесь мой дом. Семья. Любимый лес.

Уголки губ Войко медленно потянулись вверх. Грустная улыбка трещиной расколола его лицо.

– Я так и думал. Твой план не более чем прихоть, которая ни к чему не приведет.

«Трусиха», – прочитала Руслана в его глазах и вспыхнула от стыда. Стыда за саму себя.

– Можно подумать, ты готов вот так просто распрощаться с родным домом, друзьями и семьей. Ты-то сам готов бежать?

Войко не ответил. Молча сел на лавку, скрестил руки на груди и низко опустил голову. «Да» или «нет» – оставалось только гадать.

Руслана принялась нервно ходить по тесному предбаннику от одной стены к другой. Каблуки гулко стучали о деревянный пол, отмеряя утекающее время.

Что же делать? Что?..

Вскоре Войко, похоже, устал от метаний Русланы и, лишь бы та хоть на мгновение остановилась, спросил:

– Почему ты не хочешь выйти за меня?

– А почему я должна этого хотеть? Мы хоть и общаемся с детства, но я плохо тебя знаю.

– Мои родители женились, зная лишь имена друг друга, – хмуро поделился Войко.

Руслана едва сдержалась, чтобы не признаться – ее тоже. Моймир часто рассказывал, что судьба не подарила ему и Бояне сердцецветов. Да и знакомы они не были. Их поженили родители.

«И ничего! Построили семью, полюбили друг друга, двух дочерей вырастили», – часто говорила матушка, но эти слова Руслану нисколько не успокаивали.

Она не хотела, чтобы ее жизнь повторила родительские судьбы. Не хотела свыкаться с кем-то, пытаясь его полюбить.

– Странно, что ты не хочешь даже попытаться. Отчего не предложишь пожениться, но мужем и женой только на людях притворяться? Я ждал таких уго- воров.

– Это неправильно. Да и не люблю я тебя, Войко, чтобы за этот брак цепляться. Неужели моих чувств для отказа недостаточно?

– А как же сердцецветы? – упрямылся юноша.

Руслана заметила в глазах Войко хитрый блеск и устало покачала головой:

– Насмехаться надо мной вздумал? Только мы с тобой в одной лодке сидим. А сердцецветы... Недоразумение какое-то. Ошибка.

Войко согласно хмыкнул, и Руслана осмелилась спросить:

– А ты? Почему не хочешь нашей свадьбы?

Она не рассчитывала на честность. Думала, что ответ Войко почти повторит ее собственные слова. Но сын торговца вдруг признался:

– Я не получил ответ на письмо, – голос его чуть дрогнул, выдавая напряжение. Войко коротко глянул на Руслану, но быстро отвел глаза. В их обсидианах дрожали слезы.

Руслана удивленно моргнула. Медленно приблизилась к лавке и вновь села подле «нареченного».

– Что за письмо? – видя волнение юноши, она добавила: – Может, ответ еще придет.

– Если женюсь на тебе, для него будет уже поздно, – с обреченностью смертника выдохнул Войко.

Сердце Русланы оборвалось. Безмолвная правда открылась ей со всей ясностью.

Войко влюблен в другую. В девушку из другого города. Наверняка они познакомились, когда Войко в очередной раз путешествовал с отцом, помогая с товаром.

И еще – эта девушка явно не из низшего сословия, раз умеет читать и писать. Иначе как влюбленным тайно обмениваться письмами?

– Ты умеешь читать?

– И писать тоже.

Руслана умела только читать, и то не слишком хорошо. Потому слегка завидовала Войко, но одновременно с тем – сочувствовала ему. Жить в незнании тяжело. Войко прогневал возлюбленную? Она нашла другого? Или просто письмо затерялось в пути?

Вот почему Войко ходил блее смерти. И вот почему у него были более весомые причины бежать от этой свадьбы. Бежать от Русланы.

– Если ты сбежишь, я останусь опозорена. Ни один мужчина больше не возьмет меня в жены, а горожане станут сторониться.

– Знаю. Потому и зову тебя бежать вместе.

Руслана понимала, почему Войко хочет уйти. Она даже не могла просить его отказаться от затеи, потому что это было эгоистично, неправильно. В отличие от Русланы, Войко любил и стремился спасти эту любовь.

Руслана же хотела спасти только себя.

– Ты потому сегодня у меня во дворе оказался? Собирался бежать к своей возлюбленной? Войко не стал отнекиваться и честно кивнул:

– Отец только через седмицу туда вновь собирался. Я не мог столько ждать.

«Не мог. И сейчас не станет», – с горечью подумала Руслана.

Увидев, как переменилась в лице дочка охотника, Войко сказал:

– Знаешь, у меня тоже есть план. Я все еще предлагаю бежать вместе, но не сегодня. Нужно притвориться, что мы смирились, что все хорошо и мы согласны на свадьбу.

– До нее всего несколько дней, – сокрушенно покачала головой Руслана.

– Мы используем их, чтобы убедить родных – противиться не станем. Так будет проще сбежать. А еще – это время тебе на раздумья. Я не смогу остаться, Руслана, но мы можем уйти вместе.

– Но тогда мне придется оставить Хрусталь и старую жизнь. А как же мои родители? Отец умрет от горя, если я просто исчезну.

– А если окажешься опозорена?

– Тогда от горя умрет моя матушка, – с тяжелым сердцем поняла Руслана.

Выходит, у нее всего два пути. Остаться без будущего здесь, дома, либо направиться на поиски новой жизни.

– Обещаю, я не сбегаю без тебя. По традиции венчание должно быть на третий день от Крашняны. Так что у тебя два дня на раздумья.

В последний вечер перед венчанием принято «сжигать прошлую жизнь». Для этого обряда на окраине поселения разводят костер, до которого жених и невеста идут рука об руку в полной тишине. Это время им дается на то, чтобы попрощаться с прошлым, дабы без сожалений вступить в новую жизнь. Дойдя до костра и произнеся обрядовые клятвы, суженые бросают в пламя по одной вещи, символизирующей былую жизнь. Девушки обычно отдают огню старые платки и ленты, а юноши жертвуют деревянными талисманами в форме петушиных гребешков. Такие игрушки вырезают отцы, как оберег от кошмаров для детей. Во взрослой жизни они уже ни к чему.

Никому не позволено во время шествия мешать суженым. Все расходятся с их пути.

Если бежать, то именно в этот вечер.

– Костер разведут у мельницы. Там рядом есть конюшня. Я смогу выкупить для нас пару лошадей, – воодушевление Войко подкупало. Только вот своих денег на коня у Русланы не было. Это слишком дорого.

– Я не стану красть у родных, а сама себе кобылу не могу позволить.

– Пустое, – отмахнулся Войко и подался чуть вперед, заверяя: – Я подарю тебе лошадь. Лучше так, чем из-за меня останешься опозоренной.

Руслана не хотела бежать. Она надеялась решить все разговором, но уже понимала, насколько малы шансы. Идти к родителям, пытаясь добиться чего-то, – бессмысленно. Так Руслана лишь укрепит подозрения к ней и Войко, следить за ними станут бдительнее.

Она могла бы избежать позора, предупредив – Войко намерен улизнуть к другой. Но это будет подлый поступок, за который ее заслуженно возненавидит и Войко, и сама Руслана.

Поэтому пути все еще было только два.

– Я подумаю. О своем решении скажу, когда пойдем к костру.

Войко улыбнулся. Этого заверения ему было достаточно.

Когда в баню принесли еду, ни Войко, ни Руслана не пытались бежать.

* * *

В час, когда в предбаннике стало совсем темно, Руслана уже изнемогала от скуки и нетерпения. Весь день до заката, нервно то заплетая, то расплетая косу, она провела в раздумьях о своем будущем, потому что других дел не осталось. Войко ушел в мыльню и закрыл за собой дверь. Руслана лишь единожды попыталась заговорить с ним вновь:

– На ужин принесли кабана, – она заглянула в мыльню, немного приоткрыв дверь.

Войко лежал на полке, уставившись в низкий деревянный потолок. Он не снял ни кафтан, ни сапоги. В нетопленной бане было прохладно и непривычно мрачно.

– Кстати, это я его на днях подстрелила, – сделала новую попытку разболтать «жениха» Руслана, но Войко не пошевелился.

«Может, от голода слег?» – подумалось охотнице. Войко поел лишь утром, и то немного. Поклевал кашу, а к голубцам, пирогам да оладьям даже не притронулся.

– Не хочу, – вяло отозвался с полка Войко. – Ничего в горло не лезет.

Руслана не стала его уговаривать, закрыла дверь и села на лавку, к которой еще утром они с Войко придвинули небольшой стол. Сейчас весь он был уставлен яствами, из-за чего баню окутали ароматы свежей выпечки и мяса.

Румяная буженина стояла по центру небольшого стола. Руслана смотрела на мясо с горькой усмешкой. Выслеживая того кабана, она и не думала, что будет есть его мясо на своей Крашняне.

Руслана чуть засучила рукав расшитого кафтана, потянулась за яблочным пирогом, откусила, не чувствуя вкуса.

Грустно. На сердце пусто, на душе тоскливо. Бежать Руслане из родного Хрусталя или оставаться в любимых землях дурнушкой? Неудивительно, что что-то внутри ее не допускало даже мысли о браке с Войко – этому все равно не бывать, даже мечтай Руслана о замужестве, как Богдана.

Тошно было от своей судьбы. Страшно. Ведь какой бы выбор ни сделала Руслана, впереди только трудности. Единственное, что могла сделать охотница, – это выбрать, через какие препятствия идти.

Что до Войко, у него тоже выбор был. Только вот поступать как должно он даже в мыслях не допускал. Войко не раскроет свой секрет, не выдаст тайную возлюбленную.

Руслана не понимала, злит ли ее это. С одной стороны, эгоизм Войко ставил ее на распутье. С другой – юноша, как и чаяла Руслана еще утром, не настаивал на свадьбе.

«Бойся своих желаний», – подумала она, нехотя откусывая пирог.

С улицы сквозь запертую дверь послышались приближающиеся голоса. Руслана настороженно замерла, прислушалась. Убедившись, что шли к бане, она вскочила из-за стола и метнулась в мыльню. Если Руслана и Войко хотели, чтобы в их желание сыграть свадьбу верили, они должны создать хотя бы видимость теплых отношений. Влюбленные, сужденные друг другу Матерью земель, не станут сидеть порознь в тишине.

– Пришли, – ответила Руслана на удивленный взгляд Войко. Спустя мгновение после ее слов у двери кто-то закопошился.

Сначала от двери оттащили что-то тяжелое. Потом щелкнул отворенный замок, и уличный шум стал громче, яснее.

– Хватит миловаться! – В баню вошел отец Войко, Некрас. Он окинул довольным взглядом невестку, расправил несуществующие складки на безупречном дорогом кафтане и первым пошел на улицу. – Пора показаться людям! – крикнул он уже снаружи.

Войко с видом мученика слез с полка и медленно приблизился к Руслане. Так, будто ее кожа была отравлена ядом, Войко взял девушку за руку.

– Пойдем, – буркнул он и отвернулся прежде, чем Руслана успела заглянуть в черные от сгустившегося мрака глаза.

Он потянул ее за собой, к выходу, и каждый шаг казался чем-то неправильным. Сейчас их прилюдно нарекут женихом и невестой. После проведенной в запертой бане Крашняны пути назад уже нет. Для многих парней Руслана уже считается девушкой, принадлежащей другому.

От этих мыслей щеки запылали, а глаза защипало от слез обиды. Почему все должно быть так? Почему она должна идти за руку с человеком, который уже через пару дней сбежит от нее? Почему должна быть названа невестой парня, которому противна даже мысль о жизни с Русланой?

Несправедливо. Проклятые сердцецветы! Если бы не они...

«То шла бы ты рука об руку с Яромиром», – напомнила себе Руслана.

Нет, то была бы ничуть не лучшая судьба. Как ни крути, все шло не так, как хотелось бы. Ни один из уготованных судьбой путей ей не нравился. Все дороги пугали, а потому оставалось лишь плыть по течению.

Расправив плечи, Руслана подняла подбородок и примерила лучшую улыбку из всех, что умела подделывать.

Их встречали с поздравлениями и песнями. Народ окружил баню, заполонил почти весь огород у дома Русланы. У многих в руках были свечи, отчего казалось, что звездное небо упало на землю.

Чужие взгляды обжигали. От них воздух будто загустел, и идти было тяжело. Каждый шаг давался с трудом, но до встревоженной и потерянной Русланы не сразу дошло, что это из-за снега. Его за день намело столько, что даже притоптанный, он был почти по щиколотку. Да и воздух стал заметно холоднее – Руслана зябко поежилась в осеннем кафтане.

Задорная песня о влюбленных, которых поженила зима, становилась громче, звонче. Рука Войко крепче вцепилась в ладонь Русланы. Сын купца будто боялся, что кто-то отнимет его невесту. Но Руслана знала, что на самом деле Войко пытался удержать лишь себя.

Ей было тяжело. Но ему? Идти с нелюбимой под обрядовую песню, но думать о другой.

Песня все текла, постепенно из звонкой, как свежий лед, становясь тягучей и тяжелой, точно облака, полные снега. Здесь мотив менялся, как и история песни. Если в первой ее части парень и девушка радовались своему союзу, то во второй их пытался разлучить сам Мороз, жестокий и могучий.

Под эти тревожные распевы к Руслане подошли матушка и Богдана, обе несли свечи, защищая их ладонями от жгучего холодного ветра. Богдана взяла Руслану за одну руку, а Бояна – за другую, аккуратно высвободив ладонь дочери из руки Войко. Он отпустил, не противясь традиции.

– Идем, – шепнула Бояна, уводя дочь в сторону дома. Руслана не обернулась, но знала, что точно так же в сторону соседской избы вводили и Войко.

Собравшиеся соседи, друзья и простые зеваки продолжали петь, и ветер уносил хор их голосов ввысь, к черному небу. Песня проводила невесту до родного дома, а потом дверь открылась, и в лицо дохнуло знакомое уютное тепло. Руслана прошла в сени, втайне радуясь, что деревянные стены хоть немного заглушили десятки голосов. Но, увы, ей еще предстояло вновь показаться народу.

– Ну как? – подлетела к дочери Бояна, когда они зашли в светлицу.

Руслана моргнула, растерявшись и не зная, что сказать. Но потом голос Войко прозвучал так ясно, будто он был рядом: «Нам должны верить!». Тогда Руслана заглушила свои чувства и тревоги и вымолвила с поддельным придыханием:

– Замечательно!

Матушка на какое-то время замерла, будто повторяя ответ Русланы про себя и не веря ему. Девушка даже успела испугаться – не вызвала ли подозрений? Но потом Бояна с заметным облегчением стянула с головы простой платок, расплылась в счастливой улыбке:

– Спасибо матушке сырой земле! Спасибо!

Богдана, что все это время стояла чуть в стороне, едва слышно приснула. Руслане больше всего хотелось рассказать обо всем подруге, попросить совета, а потом вместе посмеяться над ошибкой той, кого так почитали не только в Хрустале, но и далеко за его границами.

– Я все думала, упаси, если Русланка опять будет морду квасить! – причитала матушка, стягивая с дочки кафтан. – Войко, конечно, не Яромир... Вечно он себе на уме, в облаках витает, но тоже ничего. Ладный, из хорошей семьи...

– Матушка!

– Чего? Верно я все говорю!

Богдана не сдержалась и все же засмеялась в голос. Бояна пригрозила ей пальцем, шикнула, и подруга умчалась в глубь избы, точно по понятному ей одной приказу.

– Войко хороший жених. Достойный. Лучше многих.

Матушка помогла сменить сорочку на нарядную крапивную поневу с холщовой подкладкой, накинуть новый кафтан, украшенный яркой вышивкой и отороченный мехом. Подвела Руслану к зеркалу, держась за спиной дочки. Только теперь Руслана поняла, как она повзрослела: вытянулась и ростом стала выше Бояны, в лице не осталось детской мягкости, а в лазуритовых глазах – наивного блеска.

– Войко будет тебе хорошим мужем. – Матушка аккуратно расплела темные волосы Русланы, ласково провела по ним гребешком, который взяла с лавки.

– Лучше многих? – с улыбкой припомнила слова матери Руслана. Она говорила шутивно, без цели выведать что-либо, но Бояна вдруг кивнула:

– Я молилась, чтобы судьба не послала тебе полукровку, и меня услышали.

Бояна продолжила расчесывать дочь, не замечая, что та застыла в недоумении. Синие глаза уставились в свое зеркальное отражение, будто там мог прятаться ответ.

– О чем ты говоришь? Какой полукровка? Ай! – Руслана зашипела от боли, когда мать принялась затягивать волосы в косу. Новая лента заструилась по темным прядям, как сомнения – в мыслях охотницы. – Ты о ком-то из Хрустала? Неужто байстрик чей среди нас живет?

– Не говори глупостей! – Бояна будто невзначай сильнее дернула девушку за волосы, завершая плетение. Руслана шумно втянула носом воздух, но стерпела. Дала матери завязать ленту на конце длинной косы. – Меня не пугал твой возможный союз с незаконным сыном какого-нибудь боярина.

– Думаешь, такой брак не навлек бы на нас бед?

– Есть вещи гораздо хуже.

– Расскажешь?

Бояна отмахнулась от просьбы дочери. Песня, что лилась с улицы, уже подходила к концу. Когда зазвучит последний куплет, тот, в котором девушка и парень побеждают Мороза, невесте нужно будет вновь предстать перед суженым и людьми.

Бояна отошла, придирчиво оглядела ее с макушки до пят. Руслана покосилась в зеркало и с тоской подумала, что к этому кафтану идеально подошла бы шапка из волчьего меха. Только вот вместо меха ей сегодня иное украшение уготовано.

Вторая мысль охотницы, в комнату вернулась Богдана. На ее ладонях, словно драгоценный венец, лежал венок из сердцецветов. Цветы были точно такого же цвета, как лента в волосах Русланы, как нити, которыми расшили отвороты ее рукавов, как бусы, которые на новоиспеченную невесту надела мать.

– Красиво, да? – подруга неловко улыбнулась, протянула венок Руслане. – Твоя матушка сплела.

В груди закопошилось неприятное чувство, будто кто-то граблями душу расчесывал. Богдана и другие девушки знали, в таком венке символ новой счастливой жизни. Руслана же видела только первую весточку грядущего прощания со спокойствием и, может, родным домом.

Она склонила голову, позволяя Богдане надеть на себя венки, и сморгнула выступившие слезы. Мгновенная слабость, навеянная мыслями о том, что счастье, которое она имела смелость порой представлять перед сном, теперь уж никогда не наступит.

– Пойдемте. – Стоя между матушкой и подругой, она взяла их за руки. Глубоко вдохнула, собираясь с силами, и смело шагнула к двери.

Каждый шаг все больше заглушал дотошный голос: «Скажи им про Войко. Скажи, что он хочет сбежать». Руслана не могла этого сделать. Лучше от этого точно никому не станет: за Войко будут пристально следить, и Руслану выдадут замуж за того, кто станет ее ненавидеть. Да и после свадьбы ничто не остановит Войко, рано или поздно он все равно уйдет. К чему оттягивать неизбежное и отягощать и без того тяжелое положение?

Когда Руслана шагнула за порог и по щиколотки утонула в снегу, мерзкий голос в ее голове окончательно затих. Под последний куплет песни, в которой возлюбленные побеждали Мороза, Руслану и Войко вывели в центр двора. Люди тут же сомкнулись вокруг них плотными кольцами, закружились в хороводе. Первое его кольцо, что было ближе всего к суженым, двигалось вправо, следующее за ним – влево, другое – вновь вправо. Сколько всего было витков, Руслана не могла сосчитать. Множество лиц мельтешило перед глазами, десятки свечных огоньков танцевали вместе с людьми.

Голова шла кругом, и Руслана убеждала себя, что это из-за того, что она оказалась в центре хоровода. Признаться в волнении было все равно что в беспомощности.

Она подчинилась, когда Войко, как и полагается, взял ее за руки. Они смотрели друг на друга без тени улыбки или тепла, и Руслана начала дрожать – холод закрался под ребра, в самую душу. Все внутри ее противилось происходящему.

Войко, которого она знала с детства, сейчас казался чужим и далеким. Он смотрел на нее так, будто это причиняло ему боль. Руслана хотела вырвать руки, отвести взгляд, но стерпела. Не противилась она и тогда, когда кто-то начал расплетать ее косу. По традиции оборачиваться было нельзя – за спиной рушился первый мостик к старой жизни. Оглянуться на него – значило рискнуть застрять между двумя этапами: невеста, но не жена.

Руслану потешила эта мысль. Хоть оборачивайся, хоть нет, для нее примета все равно сбудется. А оглянуться ой как хотелось...

Расплетать косу невесте должны были ее родители, что означало их добрую волю и благословение на брак. Затем ленту из волос невесты передавали родителям жениха, которой те перевязывали запястья нареченных.

Руслане нестерпимо хотелось прервать церемонию, признаться во всем отцу, извиниться перед матушкой. Но отец Войко уже приближался к центру хоровода, а разбушевавшийся ветер трепал распущенные волосы Русланы. Лишь венки из сердцецветов чудом не слетали с головы.

Погода заметно ухудшилась. Зима злилась, швырялась снегом и носилась на колючем ветру, как на верном скакуне, задувая свечи, что танцевали в хороводе вместе с людьми. Руслана осмелилась верить, что ураган прервет обряд, свадьбу перенесут, и появится больше времени, чтобы придумать новый план. Может, все же есть способ сохранить честь и не сбежать?

Но вот алая лента легла в ладонь отца Войко, заструилась между пальцев в сверкающих перстнях. Песня о возлюбленных, одолевших Мороза, смолкла, и под ночным небом зародилась торжественная тишина.

«Сегодня невеста Войко, но никогда – его жена», – промелькнула тошнотворная мысль, когда «суженый» выпустил одну ладонь Русланы. Рука Войко была чужой, но теплой, а теперь

мороз вгрызался в кожу. Спрятать бы ладонь в рукаве кафтана, да нельзя. Некрас уже приблизился, чтобы перевязать лентой запястья жениха и невесты, даря свое благословение.

Как во сне, подчиняясь движению Войко, Руслана подняла руку, сцепленную с его. В память до мельчайшей крупы вьелось, как отец Войко поднял ленту над их запястьями, как предательски красиво в свете свечей мерцал алый шелк. А потом все свечи миготом потухли.

Порыв ветра едва не сбил Руслану с ног. Такого сильного урагана она никогда не видела. Руслана не могла ни обернуться, чтобы найти взглядом родных, ни сдвинуться с места. Воздух превратился в тугий поток и бурной рекой хлынул на Хрусталь. Мощный, неукротимый, он разбил окна в соседних домах, захлопал распахнутыми дверями.

Люди завопили, побросали затухшие свечи. Кто-то попытался убежать с открытого пространства огорода к домам, да только даже пары шагов сделать не смог. Ветер ослепил подброшенным в воздух снегом, сломил, заставив упасть на колени. Смелчаки, что остались стоять на месте, теперь цеплялись за тех, кто оказался рядом: родные, друзья или незнакомцы – без разницы. Казалось, если ни за что не ухватиться, то злодей-ветер унесет прочь, во мрак ночи.

Лицо Русланы стало влажным от растаявшего на коже снега, которым остервенело швырялся ветер. Страх и собственная беспомощность перед стихией стиснули легкие раскаленными щипцами. Все, что оставалось девушке, – это ждать, когда ветер стихнет, и прикрывать голову руками.

Новый порыв склонил Руслану к земле, точно она была хилой осинкой. Она упала на колени, кое-как раскидала снег и вцепилась в холодную почву ногтями. Руслана крепко зажмурилась, когда вокруг заплясал хоровод снежинок, что жалили не хуже крошечных осколков стекла. Танцующий с ветром снег превратился в плотную белоснежную завесу. Руслана перестала видеть даже собственные раскрасневшиеся руки, которыми впивалась в заледеневшую землю.

– Матушка! Отец! – позвала она с щемящим сердцем, но ее голос потонул в криках других людей и вое ветра.

Она сделала новую попытку дозваться родных, но и та не увенчалась успехом. А затем все улеглось в один миг, будто и не было этого ужасного вихря. Ветер разом стих, и подброшенные в воздух снежинки вдруг зависли над землей, а затем медленно поплыли вниз.

Руслана пораженно осмотрела изумленную толпу. Десятки таких же удивленных, растрепанных и напуганных, как и она, людей озирались вокруг. Кто-то тоже искал своих близких, а кто-то жаждал понять, что произошло.

– Вихри! Бесы! – в сердцах выкрикнула мать Богданы. Подруга стояла рядом со своей семьей – бледная, ссутулившаяся, ни жива ни мертва. Ее шерстяной платок унесло ветром, и теперь она пряталась от холода в объятиях родителей. – Проклятые слуги Мороза!

– Нет, это не вихри! – вышел вперед отец Войко. – Это черти!

Единственным источником света осталась масляная лампа в окне дома Русланы, которую матушка забыла погасить. В ее слабом свете было видно, как Некрас дрожащей рукой указал на дорогу, змеящуюся в сторону леса.

Руслана сощурилась и с трудом разглядела тощих существ размером с кошку. В темноте и издалека увидеть больше было сложно, да и те быстро скакнули за сугроб и исчезли из виду.

– Это просто кошки, – успокоила напуганную толпу матушка. – Откуда здесь взялись прислугам колдунов?

– Такой ветер из ниоткуда не появится никогда! – Черные волосы отца Войко растрепались, и теперь мужчина походил на лохматого домового, который украл у хозяев дорогие кольца.

– Это вихри, их недавно видели на границе леса, – напомнил о недавних слухах Моймир, и Руслана облегченно выдохнула. С обоими родителями все хорошо, они не пострадали в урагане!

Народ зашептался, поддерживая городского охотника. Про вихрей слышали многие, но вот появление чертей пугало. Эти бесы никогда не ходят одни, всюду следуют за хозяином-колдуном. Из рассказов отца Руслана знала, что встречи с чародеями порой бывают тем еще испытанием...

– Вихри не похищают людей. В отличие от бесов.

Слова повисли в воздухе зловещим пророчеством. Руслана еще не поняла, что случилось, но сердце уже тревожно сжалось. Она, напуганная голубка с изломанными крыльями, чувствовала его тяжесть под ребрами. Опасность уже здесь, но упорхнуть от нее не выйдет.

– Войко пропал! Мой сын исчез! – Некрас схватился за голову и завыл страшнее, чем недавний ураган.

Взгляд заметался по толпе, пытаясь выхватить из десятков лиц одно – бледное и тонкое, как след луны на воде, с темными, как бархат ночи, глазами. Но все, что видела Руслана, – лишь таких же в недоумении озирающихся людей.

– Да с чего бы кому-то, тем более чертям, похищать Войко? – матушка встала рядом с Русланой, чуть закрывая дочь спиной.

«Не к добру. Что-то назревает», – догадалась она и вжала голову в плечи. Венок из сердцецветов только теперь съехал на глаза, и Руслана одним порывистым движением сорвала его с себя. Даже ветер не унес! А так бы хотелось избавиться от этих проклятых цветов. Глаза б их не видели!

– На кой мальчишка колдунам? – смеясь, подхватил кто-то. – Скорее уж, он сам сбежал.

Холод окутал тело, и Руслана даже проверила – не распахнулся ли кафтан? Но все тесемки были на месте, а пояс туго затянут. Однако дрожь, закрывшаяся под одежду, не утихла.

Неужели Войко и правда сбежал?..

Он ведь обещал дождаться решения Русланы! А сам... Ну конечно. То был обман, лишь бы недовольная невеста не привлекала лишнее внимание своим бунтом. Войко обхитрил Руслану, а сам улизнул при первой же возможности.

– Я тоже их видела, – смело выкрикнула незнакомая девушка. – Это не кошки были, а черти! На двух ногах бежали, остроголовые, а зубы острые, длинные, как...

– Что ты говоришь такое? – Бояна шумно охнула и сокрушенно всплеснула руками. – Не было в Хрустале бесов никогда! Откуда им теперь взяться?

Некрас вспыхнул, как сухое сено.

– Всем известно, откуда, – сквозь зубы процедил купец. Он нашел Руслану и впился в нее взглядом, точно когти зверя – в добычу. – Невеста-то у нас необычная.

Руслана нахмурилась недоуменно, неосознанно шагнула назад. Спиной она натолкнулась на кого-то, но даже вздрогнуть не успела. Отцовские руки защитной броней легли на плечи.

– Одумайся, Некрас, – над макушкой Русланы раздался голос Моймира. – Не говори то, о чем потом жалеть будешь.

Даже вьюга не пугала так, как это делала тишина, накрывшая заснеженную поляну. Каждый взгляд был обращен к Руслане, но лишь в родителях она не чувствовала подозрений или угрозы.

– Я не скажу ничего такого, о чем не знают остальные в Хрустале, – развел руками отец Войко. Он хотел шагнуть навстречу, но крепко увяз в снегу и чуть не упал.

В этот миг Руслана глянула на обернувшуюся мать, ища поддержки. Бояна поджала губы и сокрушенно качнула головой. Что это значит? Но размышлять над этим уже не осталось времени. Отряхнувшись от снега и выпрямившись, Некрас напомнил толпе:

– Руслана-то не хотела замуж за Войко. Мне доложили, как брыкалась лесная девка, когда ее в баню с моим сыном вели.

«Лесная девка».

Два слова, от которых у любой нежной девы задрожат коленки. Руслана же лишь тяжело сглотнула – в горле пересохло, будто вся влага из тела испарилась от чужой кипящей злобы.

– Глупости! – больше не смея молчать, Руслана выступила вперед.

Моймир и Бояна попытались ее остановить, вразумить и заставить молчать, но девушка стряхнула с себя родительские руки и еще громче произнесла:

– Вы едите мясо, которое добываем мы с отцом. Одеваетесь в меха пойманных нами животных. Можете не бояться хищников, что по границе леса ходят, – благодаря нам! А теперь смеете говорить, будто я служу Боровому?!

– Может, и не служишь, – снисходительно отмахнулся Некрас. Кольца с драгоценными камнями на его пальцах слабо блеснули, и Руслане захотелось затолкать их купцу поглубже в глотку. Лишь бы прекратил сеять лживые, грязные слухи, от которых ей будет не отмыться. – Но никакая другая девушка не ходит в лес так часто, как ты. А всем известно, что Хозяин леса любит себе дев в ученицы забирать.

– Я никогда не жила в лесу. Как бы он меня учил? Бежал бы за мной, пока по лесу иду? Или шептал на ухо, пока из засады целюсь в дичь? – Руслана хохотнула, надеясь, что ее веселье поддержат. Но никто даже не улыбнулся.

Народ, который еще недавно распевал свадебную песню, танцевал в хороводе вокруг Русланы, теперь сторонился ее. Все смотрели на неудавшуюся невесту с опаской, будто дочка охотника в один миг обратилась ведьмой.

– Не знаю, как он тебя научить успел, но, похоже, ты весьма способна. Лихо от моего сына избавилась! Только вот шестерки твои подвели – не успели спрятаться вовремя.

Руслану словно кочергой ударили по голове. Перед глазами поплыло, мысли разбрелись по сознанию непослушным стадом.

– Так вы считаете... Думаете, я эту вьюгу за Войко наслала?!

– Уходи с моего двора, Некрас! Тебе здесь больше не рады, – отец выступил вперед. Вместо него Руслану за плечи обняла матушка. Она что-то успокаивающе шептала на ухо, но Руслана не понимала ни слова. Они будто расслаивались на несвязные звуки и жужжали-жужжали злым осиным роем.

«Лесная девка», – гудело в голове, прожигая нутро клеймом.

– Да чтоб вы все знали! Войко сам сбежать хотел! – выкрикнула Руслана так громко, что горло засадило.

Некрас, который уже стоял у калитки, обернулся. В темноте первого зимнего вечера было не разглядеть его лица, но Руслана и так ощутила отвращение, которым пропитался морозный воздух.

– Врешь, ведьма! Мой сын бы никогда так не поступил. Это ты наколдовала ураган, чтобы сорвать обряд и избавиться от Войко!

Венок из сердцецветов захрустел поломанными стеблями, когда Руслана сжала его в кулаке.

– У Войко есть возлюбленная. Они обменивались письмами, и он собирался бежать к ней. Даже звал меня с собой! Обещал, что купит лошадь.

– Гнусная ложь! – остатки терпения Некраса затухали, как пламя в горниле остывающей печи. – Пытаешься выгородить себя, спрятать колдовство, да не выйдет! Обещаю, Руслана, ты ответишь за содеянное зло, и никакие чары, никакой Боровой тебя от суда не спасут! Ты своей головой заплатишься за сына, которого у меня забрала!

– Ничего из этого не будет, Некрас, потому что я верну Войко быстрее, чем ты поднимешься в свой терем! Войко расскажет правду, и ты еще пожалеешь о сказанной лжи!

Некрас горько, с недоверием усмехнулся. Его рот зло скривился, но извергнуть проклятие убитый горем купец не успел.

– А ну пошли все отсюда!

Руслана даже не поняла, когда матушка успела сбегать в избу за веником. Теперь Бояна прогоняла им гостей, которые перестали быть желанными.

– Прочь! Пошли вон! – размахивала веником женщина. Самых настырных приходилось хлестать по спине, выдворяя.

Слышались причитания и презрительный шепот. Уходящие гости напоследок оглядывались, украдкой смотрели на Руслану и сбегали, будто крысы из горящего сарая.

– Лесная ведьма, – донеслось до девушки лживое прозвище.

Оно больно кольнуло, и в тот миг Руслана поняла – то, чего она боялась еще этим утром, и близко не сравнится с судьбой «ведьмы». Сбежать из дома больно, строить новую жизнь тяжело, но возможно. От опозоренной девушки могут отвернуться новые женихи, но не подруги. От лесной девки же воротить нос будут все.

Не поздно ли сбежать теперь? Или мерзкий слух шлейфом потянется за Русланой?

Нет. Она это так не оставит! Войко вернется в Хрусталь и за все ответит. Сам расскажет отцу про побег и девушку из другого поселения. Сам будет краснеть перед людьми, отмывая имя и честь Русланы от позора и клеветы!

– Руслана! – позвала матушка, но она уже исчезла за калиткой. Лишь венок из сердцецветов, брошенный, алел на снегу.

Глава 3

По следу вьюги

Припорошенные снегом дома напоминали кошек, свернувшихся клубком под пушистым покрывалом. Ближе к сердцу Хрусталия они ютились совсем рядом друг к дружке, провожая Руслану темными глазами-окнами. Но чем дальше она бежала, тем просторнее становилось. Домики отодвигались друг от друга, огороды оказывались больше, а сугробы – глубже.

Здесь снег еще не успели притоптать, идти стало сложнее. Ни дороги, ни тропинки. Руслана была первой, кто в поздний вечер после вьюги отправился в путь по свежеснежавшему снегу. Она шла к мельнице короткой дорогой, но Войко наверняка двигался по той, где легче было спрятаться.

Продираясь через сугробы, в которых увязала по колено, Руслана очень быстро вспотела. Нарядный кафтан был совсем неудобен и сковывал движения, а красные сапожки то и дело норовили остаться в снегу. Распушенные во время обряда волосы растрепались и липли к раскрасневшемуся лицу.

Ни крохи не осталось от торжественности и красоты образа, как и не осталось в сердце ничего, кроме отчаяния.

– Руслана! – ветер принес голос отца. Похоже, он шел по ее следам. – Руслана, вернись!

Она прижалась к стволу голой яблони и осторожно оглянулась туда, где змеилась рыхлая дорожка ее следов. Отец вышел из тени чужой избы, тяжело дыша и одной рукой придерживая меховую шапку. С беспокойной душой наблюдала Руслана, как отец пытается бежать, да только, утопая в сугробах, падает, но вновь встает и делает очередную попытку нагнать беглянку.

Сердце обливалось кровью в нестерпимой жалости к отцу. Ни к чему от него убежать. Лучше выйти, признаться во всем и попросить помощи. Если отец поверит, что Войко сбежал, может, они вместе его найдут?

Руслана поджала губы, тяжело вздохнула... Как вдруг услышала писклявый смех, будто комар где-то рядом летал. Легко определив, откуда исходит звук, Руслана опустила глаза к корням яблони, укрытым снегом.

Крохотный, с ладонь Русланы, пузатый мужичок, одетый в зипун из хвои и жухлой листвы, чуть не помирал со смеху. Он держался за дрожащий от хохота живот и сгибался едва ли не пополам, почти касаясь морщинистым лбом своих босых ног. Волосы его были посеребрены то ли сединой, то ли морозом, а в идеально черных, без белков и радужки глазах, как в зеркале, отражалась сама Руслана.

Она оглянулась на лес, что стеной стоял совсем рядом с границей Хрусталия. Ауки редко выбирались из чащи, но и ничего удивительного во встрече здесь, на тихой окраине, не было. Наверняка дух последовал за ветром, который часто помогал аукам в их хитрой магии. Вот и оказался в городе.

– Охотница сама вот-вот станет добычей, – ослабилась аука, наблюдая за растерянной девушкой. – Эхо в городе громко поет, хоть и не так красиво, как в лесу.

Среди всех обитателей леса ауки были едва ли не самыми вредными и противными. Шутки ради они путали путников, заводили в чащу и мучили, сводя с ума эхом несуществующих спасателей. Когда заблудившийся совсем отчаивался, ауки предлагали заключить сделку – они выводили беднягу из леса, но просили что-то взамен. Обычно они, редкостные сладкоедки, выпрашивали яства, каких в чаще не сыскать: пирожки с вареньем, леденцы, левашки...

Однажды и Руслана оказалась жертвой пронырливых духов. Это было очень давно, когда еще она не заплетала кос. Моймир тогда только начал брать ее с собой в лес, но по глупости

оставил ненадолго одну на опушке, а сам пошел проверить силки. Тогда-то ауки голосом отца и заманили девочку в чашу и водили там почти до вечера.

Может, водили бы и дольше, если бы Моймир не догадался, что случилось. Из ближайшей к лесу купеческой лавочки он принес в чашу целую корзинку свежей яблочной пастилы, на сладкий аромат которой сбежалось с десятков ауков.

– Получите все, когда вернете мою дочь! – пригрозил Моймир духам, и те мигом исчезли, чтобы уже к закату вернуться вместе с Русланой.

После этого случая она частенько видела ауков, но больше на их хитрости не велась. Некоторых даже запомнила и научилась отличать друг от друга по одежде из листвы, по цветам, вплетенным в лохматые волосы, по крючковатым, вздернутым или напоминающим картошку носам. Но вот глаза у ауков всегда были одинаковыми – безусловно черными и пугающими.

Ауку, что смеялся над ней, топчя босыми ногами свежий снег, Руслана не помнила. Зато дух ее, похоже, хорошо знал.

– Бедная невеста! Жених исчез, а вместо поддержки – обвинения в колдовстве!

– Откуда ты знаешь? – шепотом спросила Руслана и украдкой выглянула из-за яблони. Отец уверенно шел по ее следу. Сейчас обогнет чужой огород и как раз окажется перед деревьями, за одним из которых прячется Руслана.

– Говорю же, эхо красиво поет, а ветер эту песню далеко разносит, – улыбнулся аука так, будто собирался съесть Руслану.

– Ты пришел, чтобы мне помочь?

– Помочь, – фыркнул дух и, прикрыв ониковые глаза, покачал лохматой головой. – Заключить сделку! Услуга за услугу.

Ну да. Как Руслана могла быть так наивна? Моймир не раз говорил, что лишь сделкой или обманом можно добиться от духов чего-либо.

– Ты хочешь подсказать, куда пошел Войко? Он не к конюшне направился?

Аука вздернул нос, и глаза его заговорщически блеснули. Он не сказал ни слова, но Руслана и так догадалась: сначала сделка, все остальное – потом.

Она снова выглянула из-за дерева. Моймир был совсем уж близко. Еще чуть-чуть, и он услышит разговор Русланы и ауки. Отцу не понравится, что она связалась с духом... Моймир всегда говорил, что они хуже бесов. Отец прогонит ауку, а вместе с ним, возможно, избавится и от следа Войко.

– Будет тебе сделка! Только помоги отца обхитрить. Подскажи ему неверную дорогу, чтобы меня сейчас не нашел.

Аука хитро потер ладони. Затем встал на цыпочки, ухватился за кончик пальца Русланы в подобии рукопожатия. Вот и скрепили сделку, а Руслана даже и понять ничего не успела!..

– Ау! Ау! – голосом Русланы закричал дух, и кожа покрылась холодными мурашками. – Отец! Я здесь!

Аука стоял перед Русланой, кричал, прижав ладони ко рту, что был не больше шляпки маленького опенка, а звук исходил будто вовсе не от него. Он лился из противоположной стороны. Оттуда, откуда Руслана пришла.

Присев на корточки, чтобы слиться с тенью, Руслана следила за отцом. Услышав поддельный голос дочери, он остановился всего на миг, а потом с новыми силами бросился в обратную сторону. Когда он совсем растворился в тенях улицы, бегущей в центр Хрусталя, Руслана осела на снег и выдохнула с облегчением напополам со стыдом.

– Готово, – аука отряхнул руки так, будто только что перетаскал гору мешков с пшеном. – За твоей услугой вернусь, когда настанет время.

– Что? Погоди!

Руслана вскочила на ноги, ухватившись за ствол яблони. Та совсем чуть-чуть качнулась, но с веток густым серебряным звездопадом полетел снег. В нем-то аука и растворился, как дым в небе.

– А как же Войко? Куда он пошел? Ты говорил, что расскажешь! Услуга за услугу! – выкрикнула Руслана в ночь, уже не боясь, что отец услышит. Моймир, обманутый аукой, ушел. Руслана осталась наедине со своей глупостью.

«Услуга за услугу», – повторила она мысленно и горько усмехнулась. Она использовала свой шанс на помощь духа, когда попросила прогнать отца. И даже не эта ошибка – самое страшное. Хуже всего, что аука не потребовал плату сразу.

Пронырливому духу не захотелось ни пирогов, ни цукатов. А туманное «когда настанет время» не успокаивало встревоженное сердце. Что потребует аука за лживую сделку?

«Не лживую, – поправила себя Руслана. – Это я сглупила, попросила, не подумав. А платить все равно придется».

Про сорванные сделки с духами и чародеями Руслана была наслышана. Жуткие рассказы о том, как провинившихся утаскивали в лес или проклинали так, что смерть казалась лучшим исходом, она, как и многие, впитала с молоком матери.

Духов и колдунов остерегались. Многие из них хоть и жили бок о бок с людьми, но всегда воспринимались как гости из другого мира, опасного и пугающего. Гневать их так же чревато, как и доверять им.

Духи часто прячутся, но они есть в каждой избе, в запруде, на сеновале, в полях и даже в печном пламени. Они живут своей жизнью, а люди – своей, однако не забывая задабривать незаметных соседей. Домовые помогают понравившимся хозяевам или пакостят грубым и злым. Болотяники заводят рыбу в сети или дырявят их, кудельницы охраняют рожь в полях и прогоняют от посевов детей, мокоши ночами прядут оставленные кудели...

Привыкнув к людям так же, как те привыкли к домашним духам, они давно перестали усложнять соседям жизнь. Лишь разгневанные или раззадоренные человеческими ошибками и слабостями, они могут навредить. Так полудницы насылают головные боли на тех, кто работает в жгучий полдень, а анчутки зло шутят над каждым, кто по неосторожности призывает их.

Но духи, живущие вдали от человека, – другие. Они чаще показываются людям. Они хитрее, злее. И почти всегда голодны.

Зябко пожившись, Руслана продолжила свой путь. Отец ушел, аука исчез, а Войко сам ни за что не вернется.

Руслана помнила, что Войко говорил о конюшне у мельницы. Он предлагал взять лошадей там и бежать вместе. И пусть «вместе» растворилось, как снежинки на ладони, Руслана надеялась, что хотя бы в чем-то Войко ей не лгал.

Идти до мельницы было еще далеко, хоть отсюда уже и виднелся подступивший к границе Хрусталя лес. Даже если Руслана будет бежать без остановок, до конюшни доберется тогда же, когда луна достигнет высочайшей точки небосклона.

Она на ходу посмотрела на свои покрасневшие руки, на промокшие до нитки сапоги на каблучках. Такая обувь предназначалась украшать, но никак не греть. Из-под распахнутого кафтана виднелся подол поневы, блестящий от налипших на бело-красную ткань снежинок.

Нет, Руслана не доберется до конюшни даже к утру. Она устала и продрогла. На своих двоих она дойдет лишь до простуды, от которой надолго ляжет... Нужно согреться. Может, найти, во что переодеться. Или хотя бы перевести дух.

Руслана огляделась. Вокруг были лишь избы, что неприветливо смотрели на нее черными пустыми окнами. Проситься погреться ни в одну из них она не желала. В воспоминаниях еще слишком отчетливо звучал полный презрения шепот, сотканный из множества голосов: «Лесная девка».

Она передернула плечами, точно стряхивая с себя обвинения. Если будет мяться и топтаться на месте, то так и останется в глазах горожан ведьмой и помощницей Борового!

Уже было шагнув в сторону одного из приземистых домов, Руслана обернулась, пряча лицо от ветра. Взгляд притянула остроконечная крыша деревянной башни, выглядывавшая из-за верхушек невысоких елей. Ее пик тянулся к звездам, точно силясь коснуться одной из них. На сторожевой вышке, казалось, никого не было, но по нижнему краю крыши-шатра гуляли тени.

«Там есть огонь!» – мысль толкнула в сторону башни, и Руслана уверенно последовала за ней.

Вынырнув из сугроба, в котором тонули ели, она оказалась у перекрестка. Дороги были заметены, но не так сильно, как в центре Хрустала, откуда Руслана и пришла. Идти стало легче, и Руслана быстро добралась до массивных дверей бревенчатой пристройки. Когда девушка толкнула их, в лицо дыхнули тепло и терпкий запах сена и овса.

Конюшня!? Да еще и людей не видно...

Руслана юркнула за дверь, прижалась к ней спиной и оценивающе посмотрела на коня, который из своего стойла так же пристально глядел на Руслану. Тепло укутало, точно шаль. Окоченевшие руки закололо от разогревшейся в предвкушении крови.

– Здравствуй, – Руслана неуверенно шагнула к коню. Тот дернул ухом и чуть качнул головой, будто говоря: «Я тебя слушаю. Чего хотела?»

Руслана приблизилась еще на шаг и медленно подняла руку. Она не знала, чего ожидать от незнакомого животного. Вдруг конь с характером и не позволит себя даже тронуть? На такой случай, будто специально для Русланы, в стойле у противоположной стены была еще кобыла. Та, похоже, дремала, опустив голову.

– Прокатимся до мельницы? – еще шаг. Кончики дрожащих пальцев почти коснулись блестящей в свете пламенников темной шерсти над носом коня.

Конь фыркнул и отвернулся, точно спрятался от Русланы за черной гривой.

– Ну нет у меня для тебя угощения, чего злиться-то сразу?

Но конь уже потерял всякий интерес к гостье, что явилась с пустыми руками. Он с большим интересом топтал сено, всем видом демонстрируя обиду.

Руслана хмыкнула, сдула с лица темную прядь и уперла кулаки в бока. По-хорошему не получилось. Будем по-плохому. Чудо, что Руслана заметила сторожевую башню, и еще большее везение, что здесь оказались лошади. Уходить сейчас, ничего не получив, нельзя – промокшая, продрогшая Руслана сама Войко ни за что не найдет в таком состоянии. Искать хозяев этих коней, чтобы попросить на вечер кобылу, – тоже пустое. Никто в здравом уме не одолжит коня незнакомке, которую к тому же кличут ведьмой. А посему и спрашивать нет смысла.

– Я не краду тебя, – успокаивающе шептала Руслана, подбираясь к гнедому коню, – просто прокачусь до мельницы, найду кое-кого и верну тебя хозяевам. Кто знает, может, они даже не заметят ничего?

Приговаривая это, Руслана подобралась к деревянной перекладине стойла. Там висели седло, кожаные подпруги, поводья и уздечка. У Русланы никогда не было своего коня, но она не раз видела, как снаряжал лошадь Моймир. Это было давно, когда еще отец ездил в лес один. Потом Снежинку заели волки, и в их доме лошадей больше не появлялось.

Руслана мысленно дала себе один шанс надеть все это на упрямое животное, заранее зная, что попытка будет неудачной. Без особого рвения она взяла поводья и глупо устала на них. Как там делал Моймир?

– Отойди от Князя.

Голос тихий, но пробирающий до самых костей, был похож на звук, с каким клинок выскальзывает из ножен. Не выпуская из рук бесполезные поводья, Руслана медленно обернулась.

Злые зеленые глаза горели ярче, чем огонь в пламенниках. Держа одну ладонь на рукояти меча, спрятанного в ножны, незнакомый юноша настороженно следил за Русланой.

– Воровка или бродяжка? – едва шевеля плотно сжатыми губами, спросил парень. Напряженный до кончиков пальцев, лежащих на железной рукояти, он в любой момент мог напасть на незваную гостью.

Руслана бросила поводья на сено и на миг застыла в ступоре. Бежать некуда, да и сопротивляться не выйдет. Парень явно не из простых: юноша чуть оголил клинок, ровно настолько, чтобы Руслана увидела гравировку – сокола, расправившего крылья на фоне солнца. Княжеский знак.

Еще совсем недавно Руслана стучала зубами от холода, но теперь ощущала себя так, будто ее прямо в кафтане швырнули в печь. Она собиралась украсть коня у дозорного Бирянского княжества.

– Я не воровка, – противореча своим же мыслям, сказала Руслана, и голос предательски дрогнул.

– И именно поэтому стояла с моими поводьями рядом с моим Князем? – подловил парень, и строгая линия плотно сжатых губ на миг выгнулась в слабую ухмылку. – Лгунья из тебя никчемная.

– Я говорю чистую правду! – Будто в порыве эмоций Руслана метнулась вперед. На самом же деле она стремилась встать поближе к дверям. Вдруг повезет улизнуть?

Дозорный тут же оголил меч и направил острие прямо в грудь Русланы. Блик вспыхнул на кончике клинка, как вспыхнули гневом распахнутые зеленые глаза.

– А ну стой на месте! – процедил парень, и его тонкое лицо помрачнело еще сильнее.

В этот миг Руслане подумалось, что, умея люди принимать облик животных, ее новый знакомый был бы коршуном. Такой же пристальный взгляд, цепко следящий за добычей. Нечитаемый, холодный, но таящий в себе угрозу. У парня был выдающийся нос с небольшой горбинкой – точь-в-точь крючковатый острый клюв. А еще его светлые волосы, собранные сзади в неопрятный пучок, напоминали вздыбленные перья.

– Врунья. Посмотрим, как запоешь, когда твой отрезанный язык украсит въезд на ярмарку.

– Не тебе решать, что мне отрезать, а что пришить! – Руслана расправила плечи и ладонью отвела клинок от своей груди. – Дозорный, а возгордился собой, точно в личные охранники князя Ивада заделался!

Юноша даже не дрогнул, хотя Руслане казалось, что ее слова должны были прозвучать очень колко. Что же, похоже, его слабое место точно не гордость.

– В общем, без суда ты меня и пальцем не тронешь, – уже не так звонко добавила она. – Это лишь палачам дозволено.

На этот раз ее угнетатель довольно хмыкнул. От этого резкого, грубого, как старая древесина, звука сердце обратилось в клубок и скатилось куда-то в пятки.

– А вот тут ты не права. Видишь знак? – молодой воин поднял меч повыше, и взгляд невольно вновь скользнул по гравировке с княжеским символом. – Это означает, что я, неся службу, исполняю волю государя. Сам могу решать, что делать с мелкими преступниками вроде тебя.

– Так нельзя. – Руслана снова отвела меч юноши, как ветку, что мешала пройти по лесной тропе. – А как же суд?

– Думаешь, князь да бояре будут собираться ради такой глупости, где все и так очевидно? Ха! Да я хоть здесь вынесу тебе приговор и исполню его!

– И даже не выслушаешь меня? – она хотела сказать это с упреком, но напускная стойкость лопнула, как глиняный горшок. Наружу полился страх вперемешку с обидой.

Несправедливо. Больно. Некрас и так обещает расправу за злое колдовство, которого Руслана не вершила. Теперь ее еще и в воровстве обвиняют! И если праведные костры отца Войко пока еще – туманные угрозы, то вот меч дозорного вполне себе реален.

Но воин вдруг опустил клинок. Упер острие в землю между носами своих сапог, сложил ладони поверх друг друга на рукояти и вымученно вздохнул:

– Выслушаю.

Это слово прозвучало тихо и с такой неохотой, словно из парня его тянули раскаленными клещами. Однако даже это внушило Руслане слабую надежду уйти из конюшни целой и невредимой.

– Но предупреждаю, – снова посуровел юноша, когда лицо Русланы просияло, – попробуешь обмануть – отрежу волосы. Начнешь врать вновь – распрощаешься с пальцами. Уяснила? Руслана неосознанно коснулась темных прядей, погасила неуместную улыбку и кивнула.

– Я не вру. Я не собиралась красть коня, лишь одолжить.

Парень недовольно поджал губы и вздохнул так тяжело и шумно, будто в его легких поселился сам ветер.

– погоди! Позволь рассказать все до конца! – Руслана вскинула ладони в успокаивающем жесте. Дозорный неохотно кивнул, и лишь тогда девушка продолжила: – Мне срочно нужно найти кое-кого.

– Ради «кое-кого» коней не крадут, – холодно заметил воин, и Руслана скривилась.

– Жениха, – выдавила она тихо, – я ищу своего жениха.

Только теперь дозорный по-настоящему взглянул на Руслану. Лишь сейчас, кажется, он заметил и нарядный кафтан с вышивкой, и сапожки на каблучке, и бусы из красных агатов. Взгляд парня прояснился, и на какой-то миг в луговой зелени промелькнула короткая искра. Кусочки правды сложились в его голове, поняла Руслана, и напряжение чуть спало.

– Так это ты сегодня собрала сердцецветы?

– Увы, – развела руками Руслана, чем заслужила недоумение парня. – Не смотри на меня так! Я не хотела замуж. И уж тем более за Войко.

– И тем не менее бежишь его искать, не гнушаясь воровства. Так что же это? Вранье или лицемерие?

Едва Руслана открыла рот, чтобы оправдаться, как с улицы донеслось:

– Зоран! Ну что там?

Дозорный, который пытал Руслану, раздраженно щелкнул языком.

– Зо-оран! – снова разнеслось откуда-то сверху. Руслана догадалась, что звали со сторожевой башни. – Ты там уснул или что-то случилось?

– Стой здесь, – буркнул дозорный, как оказалось, по имени Зоран. Он даже не глянул на Руслану и выскочил на улицу. Ей показалось, что кончики ушей юноши алели так же ярко, как сердцецветы сегодня утром на ее окне.

Князь фыркнул и заржал, будто насмехаясь над Русланой. Она посмотрела на скакуна так, словно собиралась прямо сейчас состричь его гриву чисто из вредности.

– Что, доволен, да? – привалившись плечом к одной из сосновых балок, проскрипела Руслана. – Хозяин спас, ну конечно...

Князь уткнулся мордой в сено, а затем резко мотнул головой. Высушенные стебли полетели прямо в Руслану, и она окончательно уверилась в том, что конь над ней издевается.

Руслана слышала, как Зоран разговаривает с кем-то по имени Ратко. Голос у второго собеседника был взрослый, низкий и звучал будто издали.

«Со сторожевой вышки», – догадалась девушка.

Ничего интересного в разговоре Зорана и Ратко не оказалось. Дозорный даже не рассказал своему напарнику, что нашел в небольшой конюшне воровку. Руслана это посчитала хоро-

шим знаком, а потому не испугалась делано недовольного взгляда Зорана, когда тот вернулся к стойлу.

– Даже не пыталась сбежать? – изумился он, когда нашел Руслану на том же месте. – Неожиданно.

– У меня не ладится с побегими, – воспоминание о предателе Войко плугом прошлось по душе. – К тому же сбегают обычно от меня.

Глаза Зорана округлись в удивлении. У зрочка, утопая в сочной зелени, в свете огня замерцали карие вкрапления – крошки ржаного хлеба, разбросанные в траве.

– Рассказывай. – Зоран тоже привалился спиной к балке, той, что была в нескольких локтях от Рус- ланы.

Она с облегчением и тайной радостью отметила, что меч Зоран убрал. Оружие спало в ножнах. Но вот бдительность дозорного – ни за что. Пусть его тело казалось расслабленным, Руслана понимала, что в любой момент Зоран может заставить ее пожалеть о проявленной наивности.

Зоран откинул черный мять с плеча за спину, скрестил руки на груди и выжидающе уставился на Руслану. Никому из них не хотелось терять время даром: Зорана ждали напарник и служба, а Руслану – поиски Войко. И чем дольше она тянула, тем призрачнее становилась надежда поймать беглеца.

– Если я не найду сбежавшего жениха, меня будут судить за ведьмовство. Но я не колдунья!

Когда самые тяжелые слова сорвались с губ, с плеч точно гора свалилась. Руслане впервые за этот день дышалось так легко и свободно.

Она коротко рассказала обо всем, что случилось. Проклятая Крашняна обернулась кошмаром! Руслана поделилась, как ее и Войко силой заперли в бане, где «нареченный» и выложил всю правду. Она не утаила, что Войко предлагал бежать вместе, но обещание дожидаться решения Русланы не исполнил.

– А потом этот хоровод во время обряда благословения и выюга. Вот Войко и решил, поди, что это хороший шанс улизнуть. Если не единственный...

Зоран слушал внимательно, но взгляд его почти все время был устремлен к носкам сапог или рукавам кожуха. Лишь пару раз он взглянул на Руслану, и было в этом что-то уязвленное и едва уловимое, что девушка даже сбивалась, терялась в словах.

Он ее жалеет?!

«Изучает», – все же решила Руслана, когда взгляд Зорана вновь ощупал ее лицо, а затем сполз к ладоням.

– У тебя мозоли на пальцах.

Это были совсем не те слова, что Руслана ожидала услышать в ответ на ее исповедь. Она на свой страх и риск призналась, что ее считают ведьмой, а единственное, что интересует Зорана, – это ее руки?

– У многих в Хрустале мозолистые ладони. Простой люд не боится работы. Не то что бояре. – Руслана гордо задрала нос, но руки за спину все же спрятала.

– Но не у всех мозоли там же, где у тебя. Почти на кончиках пальцев правой руки.

Руслана не понимала, к чему клонит Зоран, а потому в душу закралась мерзкая тревога. Она сочилась по венам так, будто паук тянул тончайшую нить. Каждый взгляд Зорана, который Руслана не могла прочесть, заставлял эту нить дрожать. И вместе с ней дрожала и Руслана.

– Ты лучница, – Зоран победно улыбнулся, нисколько не сомневаясь в своей правоте. Его самоуверенность поразила Руслану куда сильнее попавшей в яблочко догадки.

– И что с того? Не понимаю, к чему ты все это?..

– Просто думаю, будет ли толк брать тебя с собой на поиски... Как ты там назвала своего жениха? А! Войко!

– Конечно, будет толк! Ты ведь даже не знаешь, как он выглядит!

– Разберусь, – отмахнулся Зоран. – Главное, чтобы ты обузой не была. Умеешь ездить верхом, Лучница?

Руслана замялась всего на миг, но Зоран все понял. На ее звонкое «Конечно!» он лишь качнул головой:

– И как же ты добираться до леса, Лучница? Неужели пешком?

– И что с того? – Щеки вспыхнули от неуместного стыда, и это еще больше подстегнуло Руслану. – Тут недалеко вообще-то. К тому же, как охотиться, когда кобыла всю дичь своим ржанием распугивает?

– Вот ведь дуреха, – совсем не слушая, как Руслана распинается, Зоран устало потер лоб, заодно убирая с бровей крошечные капельки, что оставили после себя растаявшие снежинки. – Зачем коня красть собиралась, если ездить не умеешь?

– Да не собиралась я его красть! – Руслана топнула ногой и охнула. Ощущение, что она проваливается куда-то, было таким внезапным, что девушка не удержала равновесие.

Она упала прямо к ногам невозмутимого Зорана, а тот лишь наклонился, заглянул в потрясенное лицо Русланы и строго спросил:

– Раз не собиралась красть, то почему не пошла искать хозяев коней?

– Долго, – буркнула Руслана коротко и, прежде чем попытаться встать, посмотрела на свои сапоги. На той ноге, которой она топнула, отломился каблук.

Она раздосадованно застонала, глядя на каблук, сиротливо валяющийся на земле. Зоран, судя по уставшему взгляду и морщинке, залегшей между бровей, был близок к тому, чтобы сетовать в один голос с Русланой. Однако он оказался куда сдержанней – дозорный опустился на корточки и попросил:

– Подними ногу. Гляну сапог. Может, что-то и придумаем.

В другой ситуации Руслана бы отказалась – не должно девушке, почти замужней, между прочим, ноги да юбки перед парнями задирать. Но вот замужество, хоть и нежеланное, ей уже не грозило, да и охоты мяться да пререкаться не было. Решить бы уже все поскорее и галопом за Войко...

Зоран аккуратно поймал ее шиколотку, поднял чуть выше земли, чтобы юбка не задра-лась. Руслана взволнованно стучала пальцами по бедру, но молчала, не смея мешать.

Вдруг дверь в конюшню распахнулась, и вместе со снегом внутрь влетел мужчина. Он был одет в такой же кожан, что и Зоран, и на поясе висел меч с уже знакомой рукоятью. Его темные кудри и усы были припорошены снегом, как и плечи, укрытые темным мятлем.

– Вот ты где, Зоран! Ох...

Ратко замер, заметив Руслану. Точно так же замерла, сидя на сене, и она сама, и Зоран, который все еще держал девушку за лодыжку. Они втроем будто обратились в ледяные скульптуры. Но всего на миг.

– Черт веревочный, – стягивая меховую шапку, шепнул Ратко. – Кто ж баб в сторожевую вышку во время дозора водит?!

– Не дури, Ратко! Она сама пришла!

– А я думаю, куда напарник делся? А он... Он тут!..

Взгляд Ратко прыгал от Зорана к Руслане. Он совсем не слушал парня, приговаривая:

– То-то ты слишком уж долго «чистил Князя»! Тут не Князь, а...

– Руслана я, – подсказала девушка и, воспользовавшись привлеченным вниманием, стянула с ноги сапог и подняла его так, чтобы Ратко увидел подошву. – От меня сбежал жених. Чтобы догнать его, я хотела украсть у вас коня, но случайно сломала каблук. Зоран просто мне помогал.

– Зоран помогал тебе красть коня? – опешил Ратко. Его широко распахнутые глаза переметнулись на Зорана.

Тот стоял бледнее полуночицы. От изумления он, похоже, проглотил язык, но то было Руслане только на руку. Ведь так Зоран не мог сказать: «Так ты все-таки и правда собиралась его украсть?»

– Он помогал мне починить обувь. В таких сапогах далеко не ускачешь, а если опоздаю... Сами знаете, что бывает с невестами, которых бросили на полпути от Крашняны до венчания.

Она сказала это так жалобно, так мягко, что морщины, продавленные на лице Ратко возмущением, разгладились. Взгляд его смягчился, когда старший дозорный поделился:

– Знаю. У меня дочка твоего возраста. Если бы она оказалась на твоём месте, я бы сам беглеца нашел да шею ему свернул.

Жестокие слова не напугали Руслану, но заставили вспомнить об отце. Думает ли Моймир так же, как и Ратко? Наверняка. И не кинься Руслана в ночь искать Войко, это тут же бы сделал отец.

– Сапоги, к слову, починить не смогу, – почесал светловолосый затылок Зоран.

– Что-то сложное? – Руслана задумчиво повертела в пальцах обломок каблука.

Вместо Зорана ответил Ратко:

– Он не умеет. Этот баламошка даже дырку заштопать не сможет. А ты на обувь замахнулась...

Руслана вскинула бровь и с укоризной посмотрела на своего неудавшегося помощника. Почему сразу не сказал? Но Зоран старательно избегал встречаться с ней взглядами.

– Есть что-нибудь, во что можно переодеться? – спросил он Ратко. – В таком виде с ней тяжело будет возиться.

– А не надо со мной возиться! Просто одолжите коня, я сама разберусь!

Зоран встал перед Ратко, заслонив Руслану.

– Она не ездит верхом. Так что я поеду с ней, – он свел на нет ее план. – Но одежда все равно нужна.

Ратко через плечо Зорана глянул на Руслану, беззащитно сидевшую на сене – как птенец, который еще не научился летать и ждет чьей-то помощи. Ратко коротко кивнул, шепнул что-то про божедуров и ушел.

Оставшись наедине с Зораном, Руслана встала и кое-как осталась стоять на ногах. В сапогах разной высоты она ощущала себя скрюченным уродцем с конечностями разной длины.

– Я и одна справлюсь. Доеду как-нибудь до мельницы и вернусь. От твоего присутствия я ездить лучше не стану.

– Не станешь. Поэтому и везти тебя буду я. Так для всех безопаснее.

Уговорить Зорана отпустить Руслану одну с конем было пустой затеей. Он наотрез отказался даже слушать об этом, как и о другом плане – взять двух коней.

– Чтобы ты угробила и себя, и Лучика? Нет, – строго припечатал Зоран. – Ты либо остаешься здесь, пока я сам съезжу к мельнице, либо едешь со мной на Князе.

Им обоим не нравился второй вариант, но остальные не устраивали либо Руслану, либо Зорана еще больше. Поэтому, после того, как Руслана сменила легкий кафтан на принесенный Ратко поношенный, но теплый тулуп, в котором она утонула, а красные сапожки – на грубые и слегка большие, зато сухие и не сломанные, ей пришлось выполнить условие Зорана. Он скоро подготовил Князя к дороге и помог Руслане забраться на хребет скакуна.

– Как же ты одна ехать собиралась? – покачал головой Ратко, наблюдая за тем, как судорожно Руслана пыталась поймать равновесие. – Свалилась бы в сугроб, и все тут.

– Или копытом в лоб, – подкинул дров Зоран и запрыгнул в седло, сев позади Русланы.

Она не стала спорить. Сама видела, как жалко держится на коне: хватается за гриву, сжимая ее в кулаки, вся съежилась и боится шелохнуться.

– Спасибо, – пролепетала она.

– Впервые вижу девку, которую хаешь, а она благодарит, – усмехнулся в усы Ратко.

Зоран тоже хохотнул. Он сидел настолько рядом, что Руслана спиной ощутила, как дрогнула его грудь. Его тепло грело даже через толстый тулуп. Еще никому из парней Руслана не позволяла находиться столь близко. И пусть их тела разделяли слои одежды, но от того, как им пришлось прижаться друг к другу, горели щеки и уши. Руслана обрадовалась, что Зоран не видит ее лица, а уши закрывает шапка, которую принес Ратко.

Зоран чуть подстегнул Князя, и тот двинулся к выходу из конюшни. Ратко поспешил открыть двери. Князь шел небыстро, но уже сейчас Руслану накрыла паника. Она никогда не ездила верхом. На что рассчитывала, надеясь уехать одной? Сейчас она не падала лишь благодаря Зорану. Его руки, что расположились по обе стороны от плеч, не давали свалиться и были будто защитное кольцо.

– Да хранит вас мать сыра земля, – пожелал Ратко перед тем, как Князь, едва выйдя в зимнюю ночь, сорвался на галоп.

Глава 4

Байстрюк

Разбуженный конюх встретил дозорного и его спутницу с недоумением:

– Здесь никого не было, – зевнул паренек, потирая слипшиеся после сна глаза. – Я бы заметил этого вашего...

– Войко, – подсказала Руслана нетерпеливо.

– Его самого, ага, – лениво моргнул конюх.

Зоран внимательным взглядом обвел конюшню. В полутемном помещении его глаза будто светились, отражая отблески огня, что плясал на фитиле свечи в руках мальчишки.

– Пересчитай коней, – сухо, но жестко приказал Зоран.

Остатки сонливости стекли с конюха, как белила с лица красавицы. Он протер кулаком глаза, оглянулся на стойла, а затем виновато выдавил:

– Я не умею считать.

Руслана шумно выдохнула и поправила шапку из лисьего меха, которая съехала на глаза. Зоран же не изменился в лице и спросил:

– Но ты ведь помнишь всех лошадей, так? – Когда паренек в протертом зипуне кивнул, Зоран попросил: – Тогда иди и проверь, все ли животные на месте.

Мальчик умчался к дальним стойлам, унося с собой огонек свечи. В тающем свете взгляд Зорана, провожающий конюха, стал жестче, а черты его лица, наоборот, перестали казаться такими острыми. Лишь нос с горбинкой явственно выделялся в полумраке.

– Думаешь, Войко украл коня? – переминаясь с ноги на ногу, спросила Руслана.

– Два сапога пара, – едва слышно шепнул Зоран, заставив Руслану возмущенно скрестить руки на груди.

Шапка с отворотами снова опустилась ниже бровей, из-за чего Руслана казалась насупившимся ребенком.

– Не пара мы, – устало напомнила девушка. – И ищу я Войко вовсе не по зову сердца, а чтобы свою честь сбересть.

– Думаешь, что-то изменится, когда ты его найдешь? Или ты готова выйти за него, лишь бы не быть опозоренной?..

Руслане показалось, что в словах Зорана сквозило разочарование. Но она отмахнулась от этой мысли. Ей ни к чему ни его жалость, ни осуждение.

– Меня хотя бы не будут судить, как ведьму, и не придется опозоренной бежать из Хрусталя, оставив и дом родной, и друзей. Да и жениться необязательно. Мы что-нибудь придумаем.

Зоран улыбнулся, но не весело, а как-то обреченно. Так в лицо пугающей судьбе улыбаются те, у кого уже нет иной дороги. Он ничего не сказал, оставив Руслану наедине с ее решением.

Неужто считает, что избежать позора поможет лишь брак с Войко?

Конюх промчался мимо них. Голова его вертелась туда-сюда, пока парнишка заглядывал в каждое стойло.

– Все на месте! – бодро оповестил он, и сердце Русланы упало. Неужели и в этом ее Войко вокруг пальца обвел?

– Благодарим тебя, – Зоран склонил голову в остроконечной шапке с отворотами. – Но у нас еще одна просьба есть.

Конюх вытянулся в струнку, готовый внимать княжескому слуге. Руслана же вопросительно покосилась на Зорана. Что он задумал?

– Позволь нам переночевать в конюшне на случай, если тот, кого ищем, придет, но позже? Мы тревожить тебя не станем.

Мальчишка, даже не дослушав, закивал так резво, что Руслане показалось – еще немного, и голова оторвется и клубком покатится в стог сена.

– Конечно, господин, – пролепетал мальчуган, глядя в землю. Оставил свечу на ящике и скрылся за дубовыми дверьми.

Зоран завел Князя с улицы в пустующее стойло, а сам прошел к стене, у которой пушистым холмом лежало сено. Стянул шапку и опустился на подушку из сухих стеблей. Он неотрывно смотрел на Князя, который задремал, едва оказавшись в стойле. В его черной гриве еще путались снежинки.

Неизвестно, сколько времени они проведут тут, выжидая Войко. И пусть что-то подсказывало, что ловить беглеца здесь бесполезно, Руслана не могла сдаться и уйти. Эта конюшня – единственная ни- точка.

Она тоже села на сено, подальше от лошадей, поджала ноги и поставила локти на колени. Зоран сидел на расстоянии вытянутой руки и молчал. Тишина тяготила, но еще больше Руслана боялась услышать: «Мы зря тратим время. Он улизнул».

Лошади в стойлах спали, свесив головы или уткнувшись ими в стену. Догорала свеча. До утра ее точно не хватит, подумала Руслана, а потом сквозняк задул огонек. Все погрузилось во мрак так резко, что показалось, стало даже чуть холоднее.

– Не надо, – Зоран поймал Руслану за запястье, когда она встала. – Не зажигай свечу. Если Войко собирается сюда прийти, будет лучше, чтобы наше присутствие было сокрыто. Мне стоило сразу об этом подумать.

– Ладно. – Руслана мягко высвободила руку и села обратно.

Чувство бессилия в темноте навалилось еще пуще. Окутанная мраком, Руслана ощущала, как тяжело легли на плечи события прошедшего дня. Цена возможной ошибки маячила перед глазами назойливыми видениями, в которых Руслану то забрасывали камнями, то изгоняли из Хрусталя, то она проводила всю свою жизнь в одиночестве изгоя. Ее сторонились, боялись и ненавидели... И, наверное, этот кошмар пугал Руслану больше всего.

– *Засыпай, соколица*, – вдруг запел Зоран, заставив Руслану удивленно вскинуть голову.

Видя сны волшебные.
Пусть тебе покажутся:
Самоцветы красные,
Да рубины алые, да сапфиры синие,
Да опалы златые, жемчуга красивые.

Засыпай, прекрасная,
Не боясь кошмаров:
Будут сны лишь светлые —
Встану я на вратах.
Не пущу сумятицу, темноту и мглу.
Разгоню руками все,
Верь мне, я смогу.

Засыпай, невинная,
Пусть не дрогнут очи,
Звезды пусть окутают
И осветят ночью
Сны лишь безмятежные,

Легкие, безбрежные.
Темнотой не тронутые,
Чистые и светлые,

Что подарят душеньке
Лишь покой и негу.
Засыпай, соколица,
Дай пролиться свету¹.

Голос у Зорана был совсем не для колыбельных. В нем слышался шелест дождя по латам, шорох приминаемой сапогами травы. Его голос – как ветер, играющий в листве перед грозой. Он не подходил песне, которую юноша тянул. Строки, как объятия ночи, были обволакивающие, гладкие.

– Что ты делаешь? – смущенная происходящим, Руслана не смогла сдержать смешка. – Пытаешься меня усыпить?

– Успокоить, – раздался из темноты невозмутимый голос. – Ты так ногой дергаешь да зубами стучишь, что всех лошадей сейчас перепугаешь.

Руслана обиженно поджала губы и обняла притянутые к груди ноги. Она и не думала, что страх ее так очевиден... Но ведь время текло, рядом в темноте скользили тени духов, а Войко все не шел.

Когда Зоран снова запел, его голос заглушил невеселые мысли. Как ни старалась Руслана закрыться от его колыбельной, не слушать, чтобы снова в свое горе окунуться, да не могла. Мелодия, которую мурлыкал дозорный для них двоих, просочилась в кровь и соболиной душегреей укутала сердце.

Руслана сдалась. Закрыла глаза всего на миг, но, убаюканная неумелым пением и теплом чужого тулупа, уснула.

* * *

Сквозь сон пробиралось тепло и мягкость, ласкающие левую щеку и плечо. Руслана заворочалась, и нос что-то назойливо защекало. Уже почти окончательно пробудившись, она махнула рукой перед лицом, но раздражающее ощущение никуда не исчезло. Нехотя разлепив веки, Руслана обнаружила, что провела ночь на стог сена.

– Он не появился, – раздался совсем рядом низкий голос, от которого Руслана резко подскочила.

Она мигом вспомнила, о ком речь, где и с кем она находится и почему это случилось. Умиротворение пробуждения сменилось гадким, скребущим где-то под ребрами чувством. Лучше бы все это было сном и заполнило собой ночь, проведенную без видений.

– Я не знаю, что теперь делать. – Собственный голос вмиг состарился от навалившейся ноши, а сама Руслана скрючилась, точно дряхлая старуха. Она обхватила побледневшее лицо ладонями, надеясь укрыть слезы, но те все никак не шли.

Она ждала, что Зоран, так же, как и Войко, предложит бежать из города, но тот молчал. Сидел неподалеку на сене и крутил в пальцах оберег из орешника – круг, внутри которого высечена не то буква, не то руна. К амулету была привязана красная, как переспелое яблоко, лента, с потрепанными краями и тонкими редкими прорехами.

– Матушка с горя умрет, – хныкнула Руслана, но заплакать вновь не получилось. – Она мечтала, чтобы я замуж вышла. Хотела внуков нянчить...

---

¹ Стихотворение Чудной Дарины, @incendio.librogum

– А ты сама чего хотела? – вмешался в причитания Зоран, но взгляд от берега так и не оторвал.

Быть как все.

– Не сгореть на костре, – буркнула Руслана, стыдясь истинных мыслей. Признаться вслух, что она боится осуждения, страшно. А понимать, что вместо мечты существует только обязательство следовать по проторенной дорожке, – стыдно.

Разочарование в себе окатило Руслану, точно ушат снега после раскаленной бани. Она уставилась перед собой, лицо окаменело, а в глазах застыли невыплаканные слезы. Затрепетали темные ресницы, и вот хрустальная капля скатилась по жемчужно-бледной щеке.

– У тебя нет других догадок, куда Войко мог пойти? – Зоран упрямо не смотрел на Руслану, но она не сомневалась – ее слезы тайной не остались.

Зоран смущался ее печали так же, как она стыдилась себя.

Быть как все...

Горячие капли оставляли на тулупе влажные пятнышки. Руслана касалась их кончиками пальцев, представляя, как ее чаяния растворятся вместе со следами слез.

– Я знаю немного, – хлюпнула носом она, не поднимая глаз. – Войко и его возлюбленная обменивались письмами. Он не получил ответ на последнее и ужасно из-за этого волновался, потому и оказался утром у меня под окном.

– Хотел отправиться искать возлюбленную?

Руслана кивнула, придержав шапку мокрой от слез ладонью.

– Сказал, что не мог ждать ни ответ, ни когда они с отцом вновь поедут в то поселение. Это должно было случиться снова через седмицу – слишком долго для Войко. Вот и все.

На улице истошно закричал петух. Он вопил долго и громко, но когда замолк, Зоран вдруг попросил:

– Подожди-ка. Повтори, что ты сказала?

– Вот и все, – надежда задохнулась в Руслане. Ей едва хватило сил, чтобы повторить этот приговор еще раз. Но Зоран остался недоволен.

– Нет. Не это. Ты сказала, что они с отцом собирались в то поселение в ближайшее время. И про письма...

Руслана сморгнула слезы и ненадолго задумалась. Когда петух закричал вновь, в ее синих глазах загорелся тот же азартный огонь, что уже подсвечивал сочную зелень в очах Зорана.

– Нужно всего лишь узнать, куда из купеческого дома отправляли письма, – поняла Руслана.

– И если таких городов и деревень будет несколько, допросить купца. Куда он собирался везти товар на седмице, там и нужно искать Войко.

* * *

На вопросы княжеского слуги любой станет отвечать с куда большей охотой, нежели городской девке, опозоренной сорванной свадьбой и обвинениями в колдовстве. Зоран пообещал взять допросы горожан на себя, а Руслане наказал никуда не влезать и ждать вестей.

– Вернусь, когда что-нибудь разужу, – звучало над ухом его заверение, когда они мчали к избе Русланы. Светало, а она с вечера не появлялась на родном пороге. Ох, что же дома, должно быть, творится...

– Возьми меня с собой, – попросила она, крепче стиснув жесткую гриву Князя. Скакать верхом было страшно, но еще больше пугала неизвестность. Ей претило сидеть сложа руки и не иметь возможности влиять на собственную судьбу.

Зоран потянул за поводья, направляя Князя по узкой улочке меж укрытых снегом низеньких избенок. Белый покров искрился, переливался всеми цветами, точно пыль из драгоценных камней. Только не внушала эта красота Руслане ни трепета, ни восторга.

– Не могу тебя с собой взять, – ожидаемо дал от ворот поворот новый знакомый. – Если один пойду, больше шансов будет.

– Потому что один ты ищешь пропавшего человека, а со мной – пытаешься выгородить колдунью, – поняла Руслана, едва представив себя на месте допрашиваемого гонца. Она бы куда охотнее отвечала дозорному, но не его спутнице.

Если Зоран явится с ней, это вызовет вопросы и подозрение.

– Живи, как жила, не мечись и жди вестей от меня. Поняла?

Кивнуть стоило больших усилий. Сложно представить, что, едва она спрыгнет с коня у родной калитки из ясеня, все будет по-новому. Жить, как раньше, уже не получится, Зоран.

Из-за покато́й крыши соседской избы показался родной дом. Руслане почудилось, что в крохотном окошке горницы мелькнуло бледное лицо матушки. Сердце потяжелело, щеки обожгло стыдом. Вчера Руслана умчалась, ни слова не сказав...

– Здесь, – подсказала Руслана, и Зоран подвел Князя к низенькой калитке. Потянул за поводья, и послушный конь тут же остановился.

Зоран спрыгнул первым, чтобы помочь Руслане спуститься. Он придерживал девушку, пока та неловко перекидывала ногу через хребет коня. В этот момент дверь избы скрипнула, и на крыльце возникла Бояна. Строгое лицо матушки не предвещало спокойной беседы, а рука, замершая на дверной ручке, намекала – нужно быстрее заходить в дом.

Руслана тяжело вздохнула. Она заслужила предстоящее наказание.

– Почему ты мне помогаешь искать Войко? – спросила она, медленно сползая с Князя на выбеленную снегом тропинку.

– Потому что сторожить покой Хрусталя – мой долг. Хорошо, если ты права и Войко просто сбежал. Но ты не думала, что все на самом деле может быть иначе?

– Руслана! – гаркнула мать так, что каждая косточка внутри подпрыгнула.

Она вздрогнула, побледнела, но поблагодарить Зорана не забыла. Лишь после этого она нырнула за калитку, напоследок проводив дозорного и его коня взглядом. Набрав полную грудь искрящего морозом воздуха, она повернулась к дому.

– Быстро в избу! – Бояна распахнула дверь, но осталась стоять на крыльце. Она будто боялась, что дочь снова убежит, а следы ее растворятся в снегу под первыми лучами солнца.

Понуро опустив голову, Руслана побрела внутрь. В сенях она отхватила несколько хлестких ударов рушником, но приняла их, даже бровью не поведя. Знала, что заслужила.

– Где ты шлялась всю ночь?! Мы глаз не смыкали! Отец до сих пор тебя ищет! Мы думали, ты из Хрусталя сбежала!

Бояна не забывала между слов хлестать Руслану тряпицей по плечам и спине. Но злость ее с каждым ударом испарялась, и скоро Бояна осела на половицы, уставшая, обессиленная после бессонной ночи. Перед Русланой теперь была не волевая, жесткая хозяйка, а женщина, которая впервые не знала, что теперь делать.

– Мам...

Руслана, не снимая чужой тулуп, опустилась на пол, села рядом с матерью. Принялась гладить ее по ссутулившейся спине, по плечам, по ладоням, на которых отпечатались возраст. Кожа грубая, морщинистая, и под ней, как под полупрозрачным шелком, выступали синеватые вены, полные крови.

Руслана с нежностью накрыла ладони матери своими. Она помнила то время, когда руки матушки еще были гладкими и тонкими, когда их не коснулось время. Эти руки гладили ее по волосам перед сном, а наутро заплетали косы. Прямо как вчера вечером перед обрядом... Она крепче обняла матушку, будто и не было криков и ударов рушником.

– Лучше бы ты сбежала, Руслана, – горько шепнул материнский голос так тихо, что она засомневалась – не показалось ли?

Но когда Руслана отодвинулась от матери, в лице той уже не осталось ни страха перед будущим, ни жалости к себе или дочери. Растерянность сменилась решимостью, и Бояна, будто и не было той мимолетной слабости, встала с пола, невозмутимо расправила юбку и сказала:

– Больше с тем дозорным никуда не ходи. Поняла?

Руслана взглянула на мать снизу вверх, так и сидя на полу и утопая в чужом тулупе, как мысли тонули в сомнениях.

– Он помог мне, – нахмурилась девушка. – Дал одежду, отправился со мной на конюшню искать Войко...

– Он просил что-нибудь взамен? – резко спросила матушка.

– Нет. Ничего.

Бояна задумчиво отвела взгляд, поджала губы. Руслана хорошо знала мать, чтобы понять – та догадалась, что к чему. Догадалась, что Войко сбежал.

– Руслана, – строго произнесла мать. Дождалась, когда дочь вскинет загнанный взгляд. – Держись от Зорана подальше. Я запрещаю тебе к нему приближаться. Уяснила?

Руслана непонимающе уставилась на мать. Она вспоминала все, что произошло за их с Зораном недолгое знакомство, и не могла понять, в чем причина такого наказания. Дозорный не сделал ничего, за что его можно было бы хотя бы упрекнуть! Ну, разве что обещал без суда отрезать пальцы... Но этот вопрос они вроде бы уладили.

– Почему?

Бояна хотела что-то сказать, темные глаза ее сделались еще чернее. На какой-то миг Руслане показалось, что матушка мыслями нырнула глубоко в воспоминания, и не было в них ничего хорошего. Но слова остались невысказанными. Бояна отмахнулась рушником и заторопилась накрывать на стол.

– Раздевайся и помоги мне. Отец скоро вернуться должен, – уже порхая у печи, прокричала Бояна. – Он тебя всю ночь искал, неблагодарную!

Вина и горечь кандалами тащились за Русланой, оттого каждый шаг давался ей с большим усилием. Она чувствовала, что подвела родителей, хоть и знала, что не по ее вине Войко исчез. А ведь ни матушка, ни отец еще знать не знали о сделке с аукой... Ох, что же она натворила?

На стол накрывали, не проронив ни слова. Молчание тяготило, но Руслана не пыталась его нарушить. Понимала, что безмолвие матери – это тоже наказание.

Над изголовьем стола на нескольких деревянных полочках, покрытых красной тканью, стояли обереги, выточенные из орешника. Медведь – воплощение мужской силы. Защитник воинов и глав семейства. Кошка, которую чаще чтит хранительницы домашнего очага. Но находились и молодые девы, которые верили – эта Покровительница дарует удачу в любви. А вот Оленя, самого загадочного Покровителя, каждый просил о чем-то своем.

Кто-то верил, что в его раскидистые рога, как в паутину, можно ловить счастье и солнечный свет. Иные утверждали, что рога Олень унаследовал от Борового, а потому поклоняться ему – значит почитать Навь и ее духов. Но в доме Русланы Оленя считали королем чащи. Его просили о доброй охоте и благосклонности леса.

Были и другие Покровители: Лис, Ласка, Рысь... Всех и не вспомнить. Кажется, каждый человек мог найти себе заступников, будь он верный семьянин или неуловимый разбойник.

Искусные фигурки Покровителей из священного дерева, сторожившие покой домочадцев, всегда успокаивали Руслану одним своим видом. Теперь же она, таская посуду, поглядывала на медведей и оленей из светлой древесины с абсолютным безразличием, ощущая себя одинокой и брошенной. Где их защита теперь, когда так нужна?

Моймир вошел в сени, запуская с улицы холодный воздух, когда на столе уже стоял горшок с горячей кашей. От нее к низкому потолку вился густой пар, разнося по дому запах овсянки. Только вот знакомого уюта Руслана не чувствовала.

– Отец? – не то позвала, не то спросила она и резко поднялась с лавки.

Моймир посмотрел на дочь так, как смотрел на мелких птичек, что случайно попадались в силки. Толку с них почти никакого, убивать жалко было, да спасать уже поздно. От отцовского взора, исполненного горечи, внутри Русланы что-то треснуло. Все это время она еще старалась держать и осанку, и лицо, но огорчение отца оказалось самым жестоким наказанием.

– Простите меня, – уронила она, низко опустив голову. – Я не хотела пугать вас! Лишь Войко найти да домой вернуть!

В горле стоял ком, но слезы не шли. Руслане не хотелось плакать – лишь вырвать с корнем из себя эту слабость и искупить вину перед родными.

– К чему было одной бежать? – не выдержала матушка. – Вылетела за калитку, будто ветром сдуло, и ищи-свищи по всему Хрусталу! Хоть бы о нас подумала!

– Я думала. Не хотела позорить наш дом.

Бояна уже потянулась за рушником, но голос Моймира заставил всех замереть и слушать, что скажет хозяин дома:

– Заботы о чести семьи нам с матерью оставь, Руслана. От тебя лишь одно требуется – помнить о родных. Ты же убежала, ни слова не сказав, а нам с матерью думай – то ли в лес, то ли в другой город, то ли к обрыву.

Руслана виновато посмотрела на отца и тут же прикусила дрогнувшую губу.

– Думаешь, если бы я узнал, что ты за Войко отправилась, стал бы тебя останавливать? – Моймир прошел вперед, встал перед Русланой. Она выдержала прямой взгляд отца, и тогда он сказал: – Не для того я тебя с детства в лес с собой брал, чтобы ты потом от беды под материнской юбкой пряталась!

Бояна охнула, а Руслана оторопела.

– Ты не слабая девочка, не беззащитная боярыня. Ты охотница, и я не раз в этом убеждался. Но еще, Руслана, ты наша дочка, которую мы любим.

Моймир, ища поддержки, посмотрел на жену. Она улыбнулась ему сквозь слезы и кивнула, соглашаясь.

– Я тоже вас люблю, – пролепетала Руслана, давась слезами, которые все никак не хотели скатываться из глаз.

– Любовь, Руслана, – это ответственность. Родительская или любовь иная – все одно. Быть связанным ею с кем-то – значит сплести запястья нитью судьбы. Потянешь ты, а станет больно нам, – отец снова посмотрел на матушку, и та не выдержала. Захныкала, как ребенок.

Руслана и раньше понимала, какую боль причинила родным своим побегом. Теперь же, видя, как плачет матушка, как трепетно отец гладит ее по растрепанным после бессонной ночи волосам, успокаивая, Руслана с лихвой окунулась в чувство вины. Поэтому она спокойно кивнула, когда отец сказал:

– Из избы ни ногой.

Справедливо. Да и куда ей идти теперь? В Хрустале все сторониться будут да за спиной про колдовство и Борового шептать. Даже Богдана наверняка и парой словечек перекинуться не захочет. А что до других ребят...

– Сегодня в полдень пойдем с отцом к Яромиру, – шаркнув ложкой по дну деревянной тарелки, неожиданно оповестила матушка. На Руслану она не смотрела, как бы давая понять – это решение не обсуждается.

– Зачем? – вскинула голову Руслана. Неужто Яромир что-то про Войко знать может?

В душе затеплилась надежда, но слова отца затушили ее, точно ушат ледяной воды, вылитый на угли.

– Предложим ему сыграть с тобой свадьбу. Он ведь хотел...

– Столько за тобой ходил, а ты все нос воротила! – Бояна с укоризной посмотрела на дочь. – И вот к чему это привело! Лучше бы не ждали ни твоего решения, ни сердцецветов. Ни с того, ни с другого толку нет.

Во рту пересохло, а тело показалось тающим воском. Вот-вот Руслана растечется по лавочке, соскользнет на пол и спрячется в зазорах между досками да в трещинах. Там ей будет и то лучше, нежели с Яромиром. Хотя кривиться уже поздно...

– На Яромира вся надежда, – выразил общую мысль отец. – Больше никто тебя замуж не возьмет после побега Войко и обвинений Некраса... Даже с таким приданым.

– Приданым? – Руслана отодвинула полную тарелку. Она пыталась поймать взгляд отца, но тот под стать матери упрямо на нее не смотрел. – Отец! Откуда у нас деньги? Да и зачем думаете Яромира за большое приданое купить?

– Боюсь, даже если любит он тебя, одними чувствами вопрос не решится, – хмуро качнула головой матушка. – Так что пей молоко, Руслана.

«Пей, пока есть», – поняла она и невольно глянула в небольшое окошко. Сквозь него не было видно ни хлев, ни Рожку, и от этого стало еще больнее. Корова – кормилица семьи. Как же они будут справляться без нее?..

– Не надо Рожку продавать! Я найду Войко, я все исправлю, я...

– Войко сбежал, и след его простыл! – В синих глазах отца бушевала злая вьюга, на лбу его вздулись вены. Еще никогда отец не говорил с Русланой так грубо, громко. Каждое слово безжалостно рубило надежду, точно топор со свистом – бревна. – Я всю ночь бродил по Хрусталу, но о Войко ничего не узнал. Зато отследил, где была ты. Знаю, что до сторожевой башни добралась, а оттуда – к конюшне у мельницы с дозорным направилась. Я тоже был там незадолго до вашего ухода. Разминулись.

Так вот почему отец вернулся аккурат после Русланы! А на след наверняка помог Ратко напасть, когда отец, запутанный аукой, все же отправился в ту сторону Хрустала, что с лесом граничила.

– Пока есть след, можно продолжать охоту. Но, Руслана, смирись – Войко свой замел безупречно.

Больше никто не ел. В тишине каждый переживал горе по утраченной спокойной жизни наедине со своими мыслями.

Моймир поднялся из-за стола первым и ушел на улицу, ничего не сказав. Убирая со стола, Руслана все же увидела, как отец выводит Рожку за калитку. По щекам покатались слезы бессилия, и тогда, стоя напротив орешниковых талисманов, Руслана впервые мысленно взывала не к ним:

«Прошу, Зоран, возвращайся скорее».

* * *

Руслана заболела.

Несколько дней она провалялась в постели с жаром, сквозь который всплывали, как яблоки в чане с водой, родительские голоса. Они прорывались сквозь недуг и сон, точно небо выглядывало сквозь облака.

– Яромир отказал.

– Не взял приданое.

– Зря Рожку продали, ох, зря...

– Продешевили. Когда теперь теленка купить сможем?

– Столько шкур продать придется и мяса...

– Может, кто другой замуж тебя возьмет, Руслана? Приданое есть, да неплохое...

– Надо узнать. Пойдем с отцом за тебя просить.

Руслана что-то лепетала сквозь сон, слабо протестуя. Просыпалась на печке, на мокрых подушках, сквозь силу пила целебные тягучие отвары из липы и меда да чай с мятой и мелиссой, которые готовила Бояна, и снова засыпала. Обрывки чужих слов оттого казались размытыми сновидениями, как и происходящее вокруг – очередной небылицей.

Сердцецветы, Крашняна, побег Войко... Разве это правда было?

Когда Руслане стало немного легче, ломота в костях и слабость отступили, Бояна отправила ее выпаривать болезнь. Матушка встретила ее в предбаннике, и воспоминания волной нового жара нахлынули на Руслану, стоило ей зайти в тесное помещение. Здесь все так же пахло мылом и древесиной, только теперь было не зябко, а душно, а через щель под дверью из мыльни вился горячий пар.

– Никто не хочет тебя в жены брать. – Бояна помогла снять тулуп, накинутый поверх успевшей промокнуть от пота сорочки. – Мы с отцом почти весь Хрусталь обошли, ко всем неженатым парням и мужчинам заглянули. Даже к Косому наведались, – она покачала головой, а Руслана скривилась.

Косым звали холостого немолодого крестьянина, которому лет десять назад вилами рассекли добрую половину лица. Слепой на один глаз и черствый сердцем, он распугал всех соседей и теперь жил один на окраине Хрусталя. Никто уж и не помнил настоящее имя Косого, зато все знали, за что тот получил свои шрамы.

– Он же куроцуп! – Руслана с возмущением всплеснула руками. – Да еще и на замужних девиц падок!

– Зато холост, – с обреченной холодностью выговорила матушка. И что-то в ее делано безразличном тоне, в пустом взгляде и опущенных руках подсказало Руслане – мать не одну ночь провела в слезах. Ей самой было тошно от того, на какую тропу чуть не толкнула дочь.

Насколько же плачевно положение, если родители готовы отдать ее лишь бы кому?

– К чему мне замуж сейчас так торопиться? Может, когда Войко вернется, все уладится?

– Некрас злится, – прошептала матушка. Сначала Руслане показалось, что это не Бояна сказала, а прошелестели сухие листья веника, который мать сняла со стены и протянула ей в руки. Но загнанный взгляд матушки, точно она опасалась, что Некрас прямо сейчас ворвется в предбанник, расставил все по местам.

– Опять клеветает на меня? – Руслана устало улыбнулась кончиками губ, села на лавку, отложила веник и принялась расплетать растрепанную косу.

Бояна, как скошенная травинка, почти без сил опустилась рядом. Заохала тяжело, и Руслане вдруг стало так страшно, что пальцы онемели.

– Матушка, никакие злые слова его не способны мне навредить. – Успокаивая их обеих, Руслана приобняла отчего-то дрожащие материнские плечи. – Может сколько угодно на меня народ травить, но все на места встанет, когда Войко вернется. Некрасу ой как стыдно будет!

Но лживая улыбка слетела с лица, как сухой лист, оборванный ветром, всего от одной фразы Бояны, сказанной глухо, с надрывом:

– Он палачей созывает.

Руслана резко отодвинулась от матери. В жаре предбанника ей вдруг стало так холодно, что хоть в кипятке ныряй. Палачами звали чародеев, охотников на злых колдунов и духов. Им самим князем было дозволено самостоятельно вершить правосудие.

Палачам не нужен суд и мнение бояр, которые в колдовстве ничего не смыслят. Они как собаки, которые бросятся на жертву, едва та зацепит их внимание. А что может привлечь палачей сильнее, чем громкий слух о ведьме, что на глазах у десятков людей растворила во вьюге неугодного жениха?

– Некрас сам сказал, что письма в столицу пишет и других на это подбивает. Александрит, должно быть, скоро атакуют почтовые птицы да гонцы из Хрусталя с гневными посланиями...

– Чтобы отправлять письма, нужно хотя бы уметь писать. То есть поддержать Некраса смогут только бояре да редкие крестьяне. Думаешь, многих он на свою сторону переманит?

Матушка промолчала и сцепила ладони в замок, чтобы хоть как-то скрыть дрожь в пальцах. Руслана смотрела на материнские руки, с тоской отмечая – Бояна похудела. Ее ладони уже не казались полными, и оттого в высушенную морозами кожу явственно вгрызались морщины.

– Если бы ты успела замуж выйти до прихода палачей, защитить тебя от них было бы проще. Муж бы подтвердил, что колдовства за тобой не замечал, и палачи бы уже не забрали тебя так просто.

– А ваших с отцом слов будет недостаточно?

Мать качнула головой, из ее строгой прически выбилась прядь седеющих волос.

– Мы вырастили тебя. Любой родитель будет защищать свое дитя.

Ясно. Значит, от слов отца и матушки палачи только отмахнутся. И хорошо, если не тронут родных. А что, если тоже виновными сочтут? Что, если решат, будто дома знали о зле, которое дочь творит, но не решались ее правосудию предать? В топке трещал огонь, и перед взором Русланы, как наяву, возникла картина – то горела ее родная изба вместе со всеми домочадцами. Лишь старшая сестра, Лета, давно ушедшая в другую семью, осталась нетронута палачами.

Матушка опять заохала и вдруг заплакала, раскачиваясь вперед-назад. Руслана вспорхнула с лавки, упала перед матерью на колени и обняла крепко-крепко.

– Если жениха тебе не найдем, беги из Хрусталя, как только от болезни оправишься, – всхлипывала между словами мать. – Лучше я буду тосковать, но знать, что ты где-то жива и здорова, чем увижу, как ни за что тебя огню предадут!

Руслана не выдержала, завывала от боли, точно умирающий зверь. Спрятала заплаканное лицо на груди у матушки и вцепилась в нее крепкими, как цепи, объятиями.

– Не хочу убежать! Не хочу с тобой и отцом расставаться!

Бояна ласково гладила ее по мокрым от жара волосам, по липкой от пота шее.

– По-другому никак, Руслана. Мы всех неженатых мужчин в Хрустале обошли... Никто не хочет связываться с «ведьмой», – она выплюнула это слово, как прокисшее молоко.

– Всех? – дрогнувшим голосом спросила Руслана. Рассудок, все еще захлебывающийся в жаре и яде недуга, вдруг заставил спросить: – А Зоран? Он тоже отказался?

Матушка молчала, и пальцы ее больше не перебирали темные пряди Русланы. Она вскинула голову и встретила холодный и жесткий, как самый толстый лед, взгляд матери.

– Забудь это имя, Руслана. – Непокколебимая твердость в родном голосе заставила сжаться в клубок. Руслана чуть отползла, путаясь в подоле сорочки, уперлась спиной в бревенчатую стену.

– Почему? – только и выдохнула она.

Бояна упрямо молчала. Нервно кусала губу, крепче сжимала замок из пальцев и на дочь больше не смотрела.

– Почему? – громче повторила Руслана. – Ты запретила мне видеться с ним, ничего не пояснив. Он помогает мне искать Войко, а ты... Ты ведь даже не знаешь его!

– О нет, милая. Как раз таки я отлично знаю Зорана. Мальчик, названный в честь утренней зари. Случайно это или нет, но надеюсь, солнце в имени выжжет тьму души...

– Что это значит? – Руслана дрожала изнутри, кожа покрылась липкой испариной. Жар раскалил тело и плавил его, постепенно выжигая крохотный запас восстановившихся сил. Так же плавилось терпение Русланы. – Поясни мне! Как я могу выполнять твои наказания, если даже не понимаю, что они значат?!

– Никто не должен знать. И тебе не следовало. Зря я язык за зубами не держала.

Бояна, сидя в кафтане в жаре предбанника, сейчас была бледнее луны. Руслана не могла даже представить, какая тайна могла настолько напугать мать.

– Скажи мне, – попросила она настойчиво. – Скажи, иначе я ослушаюсь твоего наказа!

Сказала это, а сама едва не рассмеялась. Было бы чего ослушиваться! Зоран пообещал узнать, куда Войко мог направиться, но на этом все. Матушка зря беспокоится о новом знакомом Русланы, ведь скоро их короткая связь разорвется.

Едва поняв это, девушка задумалась: а нужна ли ей тогда чужая тайна? Раскрытый секрет все равно ничего не изменит – Зоран скоро и без того исчезнет из ее жизни.

Но Бояна вдруг набралась решимости. Наверняка потому, что мысли ее были точь-в-точь противоположны думам Русланы.

– Я хорошо знала мать Зорана, – начала она потускневшим голосом. Почти не моргая, смотрела в пол, ибо внутренний взор был устремлен в воспоминания. – Мы с детства дружили с Веселиной, мечтали в один день собрать сердцецветы и замуж выйти, а потом также, в один день, родить детей. Я девочку, а она мальчика.

Бояна улыбнулась искренне, но грустно. У истории Веселины не будет счастливого конца, догадалась Руслана, и на душе почему-то стало тяжело и горестно. А ведь она никогда не знала этой женщины...

– Сыграть в один день свадьбу не вышло. Веселина была старше и собрала сердцецветы, когда ей едва исполнилось шестнадцать. Она вышла замуж на три года раньше меня, а моего мужа, Моймира, даже увидеть ни разу не успела...

Руслана тяжело сглотнула. Она уже знала, что случится с Веселиной. Видела жестокую правду в потускневших глазах матери, слышала ее в голосе, полном скорби. Она нутром ощущала, что история эта мрачная и вовсе не похожа на счастливую сказку о нареченных, связанных самой матерью сырой землей.

Она хотела остановить матушку, попросить не терзать сердце горькими воспоминаниями. Да только язык прилип к небу, и не хватало духу перебить рассказ, вырванный из самых глубин души.

– Тогда были тяжелые времена. Князь Ивад расширял земли Бирянского княжества, из-за чего начались распри с соседями. Таафеитские люди были готовы вырывать глотки зубами, стоило Иваду хотя бы глянуть в сторону их земли. Война была недолгой, но жестокой и бесплодной. Государи остались при своем, но народу полегло столько... Вспоминать страшно. Те сражения забрали у меня отца, а у Веселины – мужа. А ведь они и пожить толком вместе не успели – времени у них было от полнолуния до растаявшего месяца.

– Они любили друг друга?

– Очень. – Матушка улыбнулась так, что в горле Русланы встал горький ком. – Это была любовь, о какой рассказывают сказки. Чистая, искренняя, беспрекословная. Она же и сгубила Веселину.

Огонь в топке трещал уже не так живо. Он притих, будто тоже внимая чужим тайнам. Надо было поворошить дрова да новых подкинуть, но Руслана не шелохнулась.

– Радогор, муж Веселины, погиб в первые же дни, как оказался на поле боя. Он не умел сражаться и был юн... Именно так сказал гонец, который принес ужасную весть. Веселина была безутешна. Она осталась одна в доме почившего мужа – матери у Радогора не было, а отец тоже сражался за этот проклятый кусок земли. Я ходила к Веселине столько, сколько позволяли мне родители. Пыталась поддержать ее, быть рядом... Она и Радогор действительно были связаны судьбой, ведь, когда его не стало, Веселина начала постепенно увядать. Каждый раз, глядя на нее, я видела потухающее солнце.

Вот она – обратная сторона великой любви. Окрыляя, она возносит к самым небесам, но потом может безжалостно швырнуть с высоты на камни. Руслана поежилась, думая о том, как несоизмерима была плата Веселины за короткое счастье.

– А потом... – Матушка шумно втянула носом воздух, обхватила себя руками, набираясь сил, чтобы сказать. – Потом Веселина будто сошла с ума. Однажды я пришла к ней, ожидая увидеть ее, как обычно, сидящую у окна. Так она проводила дни напролет и могла даже не шевелиться с полудня до вечера. Но в тот день встретила меня с улыбкой, такой широкой и искренней, что мне стало страшно от столь резкой перемены. Тогда Веселина впервые со дня смерти мужа сказала, что ночью виделась с Радогором. Помню, как я рассмеялась в ответ, но саму в дрожь бросило. Я говорила Веселине, что то был сон, а она все твердила – он приходил. Настоящий, осязаемый. А потом эти ее рассказы начали повторяться изо дня в день. Я испугалась, перестала ходить к Веселине. Вдруг она не сошла с ума и то правда дух Радогора ее навещает? Страшно было, никто ведь не знал, как хоронили умерших на войне. Предавали ли их тела огню, как положено? Или не согреты пламенем души и правда по земле бродили?

Руслана слушала мать и старательно гнала от себя образ Зорана, что стоял перед глазами. Гнала из мыслей голос, неумело убаюкивающий колыбелью. Не хотела думать о том, что сам Зоран, возможно, даже не знает о трагичном прошлом своей семьи. Мать ведь ото всех это в тайне держала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.